

**Дело
о земьбрех
с стаканах**

12+

Джизет

Дело о четырёх стаканах

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=54142003

SelfPub; 2021

Аннотация

Когда город накрывает мгла, из тьмы появляется маньяк и хладнокровно крошит всех на своём пути. Ни капли жалости, ни малейшей зацепки. Однако, для хитроумного капитана милиции Дмитрия Овсова даже отсутствие улик не является препятствием. Легко, с некоторой долей изящества, ни разу не повторившись в методах расследования, Овсов спокойно и твёрдо идёт по пути раскрытия многочисленных убийств. Логика капитана милиции безупречна и точна. Он не просто находит убийцу, но и выводит на "чистую воду" глубоко засекреченную банду наркомафии. Первая книга из серии детективов о Дмитрие Овсове написана простым, понятным языком, история насыщена смешными ситуациями, сценами торжества метода дедукции и опирается на запутанный сюжет в стиле Агаты Кристи. Всё это позволяет рассчитывать на самый широкий круг читателя.

Содержание

Глава 1. Две бутылки ирландского виски	4
Глава 2. Четыре трупа	16
Глава 3. Семьдесят пять грамм водки	53
Глава 4. Одна неработающая видеокамера	86
Глава 5. Ещё четыре трупа	123
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Джизет

Дело о четырёх стаканах

Глава 1. Две бутылки ирландского виски

Около девяти часов вечера среднего роста мужчина в тёмной кепке и бесформенном потёртом сером плаще завернул за угол ярко-оранжевого трёхэтажного здания с многочисленной рекламой на зеркальных окнах. Майские лужи перед входом в торговый центр «Ванильный рай» нагло липли к ножкам припозднившихся покупательниц. Туфли мужского фасона их интересовали гораздо меньше. Дождь ритмично отстукивал по крышам припаркованных машин на асфальтированной стоянке. Ветер охлаждал, но уже не так рьяно, как утром. «Ванильный рай» светился и радужно переливался сквозь сумрак и непогоду. Мужчина сморщился от вони, исходящей из мусорных баков, стоявших рядом с автомобильной стоянкой. Их переполненность (торчащие сверху пакеты пищевых отходов вперемешку с фирменными наклейками на пустых коробках) явно требовала быстреего опустошения. Обоняние мужчины было согласно с этим, однако, его работа заключалась совсем в другом. В жизни и

так слишком много мусора, но люди почему-то не торопятся расставаться с ним.

Мужчина подошёл к автоматически открывающимся высоким дверям и остановился, чтобы пропустить вышедшую навстречу молодую парочку с покупками. Пучок волос на голове у девушки туго стягивала коричневая пятнистая резинка, а у её спутника из-под куртки выбивался галстук такого же цвета. Взявшись за руки, поклонники коричневых оттенков скрылись в темноте. Мужчина сделал несколько шагов внутрь и замер недалеко от входа. Надо было дать сбежать дождевым каплям на бетонный пол и подсохнуть под теплым дыханием кондиционера.

Налево от дверей поочерёдно включались два серых лифта, за ними гостеприимно улыбались стеклянные витрины отдела компьютерной техники, посередине зала шла широкая лестница на второй этаж, а справа гудел эскалатор в продуктовый гипермаркет, находящийся в цокольном этаже. Прямо перед лестницей помещался округлый фонтан. Взметнувшаяся над ним лошадь из тёмного металла омывалась четырьмя крупными струями и десятком мелких. Журчание воды сливалось с аккордами ритмичного испанского шлягера из нашумевшего телефильма. Под самым потолком слегка раскачивались шарообразные оранжевые светильники разной высоты. Сейчас они не горели.

Возле фонтана переминалась пухлая администратор в чёрном жилете с бейджиком на груди и растерянно огляды-

вала всех входящих. Блуждающий взор зафиксировал остановившегося мужчину, глаза блеснули, и она ринулась к нему:

–Вы случайно не сантехник? Мы, кстати, ждем вас уже четыре часа!

Мужчина без особого энтузиазма осмотрел низкорослую и суетливую женщину.

–Нет, – буркнул он и пошел по скользкому полу в сторону эскалатора.

Весь цокольный этаж был арендован под гипермаркет акулой продуктового бизнеса – индивидуальным предпринимателем Абрамовым Семёном Иосифовичем. Своей магазинной недвижимостью у Семёна Иосифовича не имелось, как и не находилось в городе ни одного более-менее крупного торгового центра, на одном из прилавков которого не лежали бы сыры, пельмени или селёдка в маринаде с надписью на ценнике «ИП Абрамов».

Мужчина в плаще выбрал гремящую тележку с зелёными ручками. Чей-то старый чек запутался в проволочном плетении и надеялся увидеть родной кассовый аппарат ещё раз. Мужчина нагнулся, аккуратно вытащил белую бумажку из своей тележки и выбросил в урну. Турникет с тёмно-синими стрелочками перед входом в гипермаркет автоматически распахнулся. Потянуло свежими апельсинами.

Мужчина оказался в царстве покупок, цен, необходимых для этих покупок и людей, совершающих покупки. Почув-

ствовав себя в своей тарелке, он покати́л в алкогольный отдел. Дверной проем отдела обвивали тонкие стеклянные лепестки винограда. Цвет лепестков загадочным образом менялся от тёмно-зелёного до ярко-оранжевого. Очевидно, ни менеджеры магазина, ни дизайнеры-оформители никогда не видели это уважаемое растение иначе, как в виде зелёных или синих ягод, упакованных в пластиковую тару.

Внутри отдела находились многочисленные деревянные стеллажи с вином, шампанским, водкой, коньяком, бренди, ромом, джином, виски и всевозможными ликерами. В самом начале алкогольного обилия попробовать вкус крепких напитков цены позволяли даже бомжам. Дальнейшее углубление в отдел требовало несомненного утяжеления и утолщения кошелька покупателя. Мужчина проследовал в самое сердце витрин и полок. Осмотрел недавно поступивший товар. Потёр небритый подбородок ребром левой ладони. Взял в руки бутылку французского шампанского, прочитал этикетку, поморщился и напиток вернулся на место. Затем мужчина передвинулся ближе к стойке с ирландским виски. Оглядел несколько рядом стоявших бутылок и выбрал одну из самых дорогих. Аккуратно положил её в тележку. Несколько минут постоял, не шевелясь. Затем взял вторую и с нежностью разместил рядом с первой. Насвистывая современную мелодию, мужчина в сером плаще покинул алкогольный отдел. Не торопясь, проехал мимо тепличных огурцов, мутно-красных помидор, фиолетового лука и завернул

к стойке с цитрусовыми. Невзирая на мощный аромат, исходящий от апельсинов, он стал усиленно принюхиваться к лимонам и, после некоторого колебания, выбрал парочку покрупнее. Медленно паря между торопящимися покупателями и полками со всякой всячиной, заехал в кондитерский отдел. Окинул взглядом витрину с пончиками. Свежую выпечку уже разобрали. На пластмассовом подносе за широким стеклом располагалось всего лишь три разновидности пончиков. Одни были в белом шоколаде, другие в черном, а третьи – в голубой глазури с орешками. Мужчина попросил у продавщицы по одному пончику каждого вида. Немолодая женщина с ярко накрашенными розовой помадой губами неодобрительно посмотрела на него. Ей надо было продать весь товар, а не оставлять кусочки на завтра. Неровная челка продавщицы съехала к правому уху и из-за этого выглядела еще кривее.

–Возьмите все.

Мужчина отрицательно покачал головой.

–Возьмите, они очень нравятся детям, – взгляд продавщицы изображал крайнюю любовь к чужим мальчикам и девочкам.

Мужчина нахмурился и резко помахал рукой. Продавщица подчёркнуто громко хмыкнула, положила пончики в пакет, наклеила ценник и небрежно протянула покупку. Тележка мужчины недовольно прогромыкала в хлебный отдел. Царящие здесь запахи были гораздо насыщеннее и приятней.

Исходящее от хлеба тепло согревало душу. Мужчина остановился возле лотка с багетами и несколько минут наслаждался созерцанием. Когда рот начал наполняться слюной, мужчина выбрал хрустящий светло-коричневый багет и отправился в сторону колбасной вывески. Здесь его внимания удостоились самые дешёвые сосиски в маленькой упаковке. Настолько невзрачные, что полноценно гармонизировать смогли бы только с пенными остатками малопонятного происхождения в мутно-грязных стаканах.

Затем мужчина неторопливо проехал вдоль касс и встал в наиболее длинную очередь. С ближайшей стойки он взял газету со свежими новостями, фруктовую жвачку и два арбузных чупа-чупса. Несколько раз, прячась за спинами покупателей и изменяя голос на визгливый, он хамски выговаривал кассирше, упрекая в нерасторопности и медлительности. Стоящие перед ним люди начали нервничать и суетиться. В воздухе разливалось предгрозовое напряжение. Когда подошёл черёд мужчины в сером плаще, молодая девушка за кассой покраснела, двигалась судорожно, глаза пытались одновременно охватить всё метровое пространство вокруг и из-за этого частично теряли фокусировку. Она старалась сосредоточиться, но получалось только хуже. Навалив свои продукты на двигающуюся ленту, мужчина проскользнул мимо кассы, расплатился, отошёл на два шага, склонился над тележкой и быстрым движением закинул одну бутылку виски себе подмышку в специально нашитый там карман.

Затем он развернулся к кассирше и стал громко возмущаться двойным пробитием дорогого напитка, стараясь поднести чек к лицу девушки как можно ближе. При этом он потребовал от очереди остановиться и разобраться в его проблеме. Кассирша растерянно оглядела его осоловевшими глазами, осмотрела содержимое тележки, несколько секунд понаблюдала, как мужчина разводит руки в стороны и хлопает себя по бокам, убедилась, что это её ошибка и вернула деньги за одно виски случайно обсчитанному клиенту. Разумеется, внезапно вспыхнувшая торопливость стоящих в очереди покупателей только поспособствовала ускорению данной финансовой процедуры.

Мужчина засунул мятые купюры в карман серых брюк и медленно направился к выходу из торгового центра. Толкая тележку перед собой, он выкатился под дождь и устремился на автомобильную стоянку. Здесь его ждали припаркованные Жигули. Молочного цвета автомобиль успел соскучиться по своему хозяину и громко щёлкнул при открывании задней дверцы. Покупки уместились на мягком сидении, расположившись так, чтобы не болтаться. Машина чуть-чуть зарычала и плавно тронулась.

Дорога домой не представляла особых трудностей на полупустых улицах города Т., достаточно большого областного центра. Тусклые фонари нагоняли скуку и под каждым из них виднелись нечёткие траектории мелкого дождя. Редкие пешеходы растворялись в темноте, словно расталкива-

лись «дворниками» Жигулей по закоулкам и пустым аллеям.

Машина завернула в широкий двор между пятью многоэтажками и еле просочилась сквозь плотный строй иномарок, приткнувшись в неудобном месте. Мужчина вышел из автомобиля, стянул с плеч серый плащ с потайным карманом и бросил его на заднее сидение. Потянулся к правой передней дверце, снял с крючка висящую там чёрную куртку и одел её. Затем он собрал все свои приобретения, как купленные, так и не очень, закрыл машину и зашагал к ближайшему подъезду. Встреча третьего этажа и лифта состоялась через несколько секунд. Мужчина достал ключ и два раза провернул его в замке.

–С работы? – в соседних дверях стояла шестидесятилетняя баба Нюра в халате цвета пестрой хризантемы. Ее пенсионная активность обеспечивала постоянную чистоту на лестничной площадке и ежевечернее наблюдение за дверями своих соседей. Курящие подростки десятой дорогой обходили подъезд грозной приземистой бабушки с традиционной скалкой в руках.

–Почти.

–Трезвый?

–Почти.

–Жениться бы тебе.

–Я сам умею мыть посуду и криво завязывать галстук.

Мужчина улыбнулся и зашёл в квартиру. Скинул туфли, нацепил тапочки в виде розовопанцирных черепах. Мельк-

нули чёрные носки с красной надписью «Good luck». Не раздеваясь, прошёл на кухню, разложил все продукты на столе, убрал в раковину чашку с утренним кофе и достал любимый бокал. Быстрым и точным движением откупорив виски, он мгновенно наполнил бокал и поднёс ко рту. Выдержал паузу, несильно выдохнул и сделал один большой глоток. Слегка поморщился, пробормотал «самогон», постоял пару секунд без движения и добавил: «Хороший самогон».

Затем он вернулся в прихожую, снял куртку и повесил её в самый дальний угол старенького шкафа. Туда же забросил кепку. Завернул в ванную, тщательно вымыл руки. Проходя через зал, включил спортивный канал. Баскетбольные болельщики с жёлтыми шарфами кричали и махали руками за кольцом своей команды, мешая сопернику пробивать штрафные. Мужчина помыл купленный лимон и порезал на дольки. Штрафные всё-таки забили. Несколько долек посыпал сахаром и крупинками тёмного растворимого кофе, выложил их на половину блюда. На вторую половину насыпал горку крупных маслин. Кому-то дали технический фол. Судя по возмущённому гулу, из команды гостей. Достал из морозилки резиновую красную форму и выдавил из неё кусочки льда в чёрную глиняную мисочку. Просыпавшиеся из ячеек прозрачные звезды образовали внушительный колючий холм. Взял неоткрытую бутылку виски и отнёс в домашний бар.

Двухкомнатная квартира начиналась с прихожей, продол-

жалась спальней, направо уходили ванная, туалет и кухня, налево оставался зал. Между залом и кухней была широкая арка. Настолько широкая, что помещение было, по сути, общим. Со стороны кухни стоял старенький холодильник, а рядом, уже в зале, находился домашний бар. Два этих почтенных аппарата соединяли тоненькие трубки, обёрнутые серым мягким изоляционным материалом, и в баре температура всегда была такая же, как и в холодильнике.

Мужчина открыл герметично подогнанную дверцу и оглядел содержимое. Здесь было много «парочек». Две тёмно-зелёные бутылки хорошего бренди с самой окраины города. Кто бы мог подумать, что там найдется магазинчик с дорогим алкоголем и невнимательными продавщицами. Январское французское шампанское из универмага в соседнем районе. У них ежемесячно меняется персонал и поэтому там никогда не удивляются двойной ошибке на постоянном клиенте. Две мексиканские текилы с датой на упаковке текущего февраля. Два апрельских мартини в зелено-бело-красную полоску. Два майских шерри с надписью на этикетке Эль-Пуэрто-де-Санта-Мария. Один отечественный коньяк из «Ванильного рая», во второй бутылке осталось совсем немного драгоценной жидкости. Ром, несколько бутылок джина, опять бренди, вино, привезенное из другого города. Джин хорошо идёт под футбол. В самом углу красовались две нетронутые округло-пузатые бутылки водки. И две сливовые наливки, одна из них открылась бы сегодня, если

бы не неожиданный визит в магазин. Или вполне ожидаемый?

Посередине зала располагался диван с обивкой из тёмно-синего хлопка. Его единственной целью было удобство при просмотре телевизора. Справа от дивана, ближе к кухне, стояла серо-коричневая тумбочка. Мужчина поставил на неё запотевшую чёрную мисочку, открытое виски, блюдце с лимоном и маслинами. Достал из буфета щипчики для льда. Накидал ими в бокал десяток остроконечных звезд и долил из бутылки ирландского напитка. Несколько минут внимательно смотрел за творящимся в телевизоре безобразием. И только после того, как кусочки льда заметно подтаяли, сделал небольшой глоток. Затем ещё один и ещё один. Не торопясь, задумчиво, размышляя о прекрасном в этой жизни. Баскетбольный матч завершился победой хозяев. Начались конные соревнования, в которых он ничего не смыслил. Соседи снизу включили громкую музыку. Затем он вновь наполнил бокал. Но теперь каждый глоток чередовался маслинами и дольками лимона. Когда температура виски поднялась на несколько градусов, мужчина устраивал ледяной звездопад для янтарной жидкости.

Иногда он смотрел на тумбочку. На её коричневой полировке стояла фотография в обшарпанной рамке. Когда в бутылке осталось чуть меньше половины, мужчина взял фотографию в руки и поднёс ближе к глазам. С изображения улыбались двое светловолосых мальчишек. Они были оде-

ты в одинаковые полосатые свитера и у них были одинаковые черты лица: подбородки, скулы, носы, лбы и глаза. Глаза мужчины, держащего в руках тонкостенный тюльпановидный бокал с тридцатью пятью граммами напитка цвета грецкого ореха и ароматом ирисок.

Глава 2. Четыре трупа

Сквозь солнечные лучи пронеслись громкие трели жаворонка. С каждой секундой птичья песня становилась всё назойливее и нуднее. Мужская рука поднялась над диваном, нащупала сотовый телефон и нажала «Ответить».

–Овсов! – трубка истошно заорала неприятным баритоном. – Тебя где носит?! Спишь что ли? Быстро собирайся, дело для тебя есть!

Голос оборвался, слышались гудки. Овсов тяжело вздохнул и начал вставать с дивана. Окончание вчерашнего вечера его сознание не запомнило. Он немного погрел бляшкой кожаного ремня и аккуратно сложил брюки на диван. Сонно переставляя ноги, Овсов расстегнул рубашку, снял её и открыл дверь в ванную комнату. Включил свет и бросил рубашку в тазик для стирки. Туда же отправились носки и трусы с маленькими пуговками.

На фоне голубого кафеля стояли длинная чугунная ванна с фиолетовой шторкой, стиральная машина, два тазика, один в другом, и, в углу, под большим зеркалом, располагалась белоснежная раковина. Над ванной были прикручены к стене несколько металлических полочек. Рядом с нераспечатанным шампунем лежали хозяйственное мыло, две мочалки, одна мягкая, другая жёсткая, камень для ухода за кожей пяток, принадлежности для бритья и маленькое зеркальце.

Овсов поднял голову, одна из четырёх лампочек перегорела и выделялась чернотой. Затем он собрался с духом и подошёл к умывальнику. Струя холодной воды ударила в его ладони. Овсов быстренько ополоснул лицо с вишнёвым мылом. Открыл новую зубную пасту. Запах мяты был настолько силён, что Овсов заглянул в тюбик. Не торчат ли там зелёные лепестки с ментолом? Тщательно вытерся бордовым полотенцем, затем понюхал его и тоже бросил в тазик.

На кухне он открыл холодильник, достал пакет вчерашнего молока. Наполнил стакан и поставил в микроволновую печь разогреваться.

Дверца холодильника была почти не видна из-за пестреющих магнитиков. Санаторий в Геленджике – свадебное путешествие. Ракушка из Адлера. Душные вечера и красивейшие закаты. Лучший август в жизни. Магнитик из Анапы, это сувенир от друга. Набор «съедобных» магнитиков: жгуче-красный перец, долька сахарного арбуза, пупырчатый огурчик, пузатая тыква, белоснежный зубчик чеснока, сочный мистер Помидор с широкой улыбкой, голубоватая бутылка минеральной воды. Два глиняных колокола из Тобольска. Короткая командировка обернулась захватывающей и запоминающейся на всю жизнь экскурсией по историческим местам этого города Менделеева и ссылки Николая II. Новогодняя снежинка с надписью «20** год». Розовая валентинка-наклейка. Морская звезда, черепаха-открывалка, кубинский флаг, желтый пляжный шлёпанец, миниатюрная карта

Абхазии, фотография озера Рица.

Овсов открыл бар и нашёл в углу баночку пива. Немного брызнул пеной на прямоугольный узор линолеума и выпил в несколько глотков. Затем достал из кухонного шкафа пачку ржаных мюсли, засыпал тарелку до половины и залил горячим молоком. Пока завтрак настаивался, Овсов из нижнего ящика спального шкафа достал черные трусы и коричневые носки. На левой ступне зазеленела надпись: «Забей левой!», на правой – «Забей правой!». Овсов прошёл через зал, надел брюки, затем придирчиво рассмотрел их в зеркале прихожей. «Стрелочки» видны, спал он, ногами не размахивая, так что утюг и сегодня не понадобится. Жёсткая щётка одновременно счистила лёгкую грязь и немного пригладила брюки. Удобная вещь.

Распухшие мюсли уместились ровно в четырнадцать ложек. Это очень питательный и полезный завтрак. Но не самый вкусный. Мюсли он заел тремя пончиками. Белый шоколад, чёрный и голубая глазурь с орешками очень вкусны и питательны. Но полезны только в минимальных дозах.

В спальном шкафу Овсов снял с вешалки белую рубашку из трёх поглаженных. Нацелился подаренным одеколоном на оголённую шею. Капельки пахучей жидкости зацепили воротник и испарятся теперь нескоро.

Овсов прошлёпал носками в прихожую и посмотрел на себя в зеркало. Если сегодня будет дело, то следует надеть чёрную короткую куртку. Овсов достал прозрачный крем и

быстро привёл туфли в порядок. Обувь радостно заблестела. Ещё один взгляд в зеркало и отражение представило уверенного тридцатипятилетнего мужчину со спортивной фигурой, хорошо одетого, со сталью в глазах и отсутствием обязательств в виде обручального кольца.

Мужчина вышел из квартиры, тщательно запер дверь, спустился и улыбнулся новому дню.

Овсов подошёл к своей машине, ободряюще похлопал по крыше Жигулей, запрыгнул в них и понесся по Южному шоссе. Несмотря на впечатляющую скорость отечественного автомобиля, его непременно обгоняли первоклассные иномарки. И даже второклассные. Водители этих дорогих машин равнодушно, но иногда и снисходительно, поглядывали на Овсова. Последнего это не смущало, ведь на фоне японо-европейской заносчивости его Жигули выглядели настоящим раритетом. С впечатляющей скоростью.

Лёгкая прозрачная зелень скрывала дорожные повороты и копошащихся в ней воробьёв. Иногда серые комочки срывались с веток и бесшумно проносились перед лобовыми стёклами рейсовых автобусов. Утреннее солнце блестело на крышах нескончаемого металлического потока. Светофоры по очереди устраивали соревнования на самый долгий красный свет.

Овсов повернул направо и поехал медленнее. Он приоткрыл окно, свежий воздух ворвался в машину. По обе стороны располагался городской парк. Невысокие деревья сочно-

го коричневого цвета росли в шахматном порядке, на четыре пятах имели голый ствол и очень насыщенную плоскую крону. Сорт что ли такой, подумал Овсов, ведь не могут же они каждый день обрезать ветки на стволах. Обрезальщик должен быть высоким. Или стремянку таскать повсюду за собой. Даже один раз в неделю, пусть не ко всем, а к одной трети деревьев. Даже вдвоём. Это не просто накладно, это же каким терпением надо обладать, чтобы по всему парку ходить с лестницей, залезать на неё, что-то обстригать, переносить к следующему дереву, снова залезать, спускаться, и дальше, и дальше...

Чугунные скамейки блестели чёрными глянцевыми изгибами и безмолвно смотрели на бегающих между ними сизых голубей. Старичок в тёмном пальто крошил из пакета кусочки белого хлеба на тротуар и кидал в сторону, воробьям. Последние не решались смешиваться на мокром асфальте с более крупными голубями и перебирали лапками по грязно-серой земле, ближе к деревьям. Возмущённо-голодное чирикание с порывом ветра донеслось и до Жигулей.

Спустя тридцать минут Овсов подъехал к четырёхэтажному мрачному зданию. Не так давно выкрашенные в светло-болотный цвет шершавые стены оцетинились кондиционерами на каждом окне и нависали над большой автомобильной стоянкой. Овсов поставил свою машину напротив центрального входа и прошёл мимо яркой вывески. На красном фоне горели золотистые буквы «Управление внутренних дел

города Т.».

Управление начиналось с дежурной части. Огромное стекло перекрывало пространство, оставляя для прохода только узенький коридор. Ходил слух, что это стекло было пуленепробиваемым. Но Овсов в этом сомневался. Хорошо бы проверить. И желательно из автомата Калашникова. Внутри дежурной части сотрудник милиции с погонами майора держал в руках англо-русский словарь. Российский милиционер, изучающий иностранный язык – явление крайне необычное. Овсов заулыбался и поспешно отвернулся. На лбу майора проступили капельки пота, он то и дело ронял карандаш из правой руки, задумчиво потирал нос, удивлённо смотрел на опустевшую ладонь и наклонялся за непослушным предметом. Овсов незаметно проскользнул мимо и начал подниматься по лестнице, начинающейся сразу за дежурной частью.

– Овсов, – в голосе слышались раскаты грома.

Взбежавший уже на пятую ступеньку мужчина оглянулся. Внизу стояла женщина неопределённого возраста, но гораздо ближе к молодому, в малиновом обтягивающем платье с пышной розой цвета морской волны на груди. Последняя размером была под стать розе. На голове возвышались чёрные локоны, уложенные в стиле Вавилонской башни. Ансамбль довершали чёрные капроновые колготки, уходящие в голубые туфли на высокой шпильке.

– Арестовать бы тебя, – ласково произнесла брюнетка, –

зайди попозже.

Она повернулась и ушла вглубь коридора. От сочетания нежности в её голосе и ярости в глазах Овсову стало не по себе. Грозный перестук каблуков удаляющейся женщины точно молотком вбивал гвозди болезненного напряжения в нервную систему Овсова. Его передёрнуло, плечи невольно съёжились. Рассеянно вспоминая розу, он попытался правой ногой нащупать следующую ступеньку, но не сумел этого сделать. Невдалеке загудел старый ксерокс и отвлёл Овсова от тревожных мыслей. Он вздохнул, потёр глаза и поднялся на второй этаж. Повернув направо, он прошёл мимо комнаты, заполненной рабочими столами и десятком суетящихся людей. Затем несколько закрытых дверей и, наконец, приблизился к цели своего визита. Он остановился перед большой металлической дверью светло-серого цвета и взялся за холодную ручку. Машинально посмотрел на расположенную чуть выше центра табличку «Г.Н. Пашарь начальник уголовного розыска» и зашёл внутрь. Дверь с шумом захлопнулась. Немного ниже первой таблички висела другая – «Д.Ю. Овсов старший оперуполномоченный уголовного розыска».

— Где тебя черти носят? — злому, недовольному лицу Геннадия Николаевича явно не хватило нескольких часов предутреннего сна. Красные глаза, слипшиеся ресницы, след на щеке от толстого уголовного дела, лежащего перед Пашарём, указывали на то, что последний пытался восполнить чары Морфея прямо за рабочим столом.

–Без трёх минут восемь – негромко ответил Овсов, указывая на настенные часы. Отщёлкивающий мгновения жизни прибор в виде пушистой ромашки висел справа от стола Пашаря. Его белые лепестки окружали жёлтый циферблат и трепетно охраняли два находящихся под ним портрета в фиолетовых рамках. Это были фото премьер-министра и президента страны. Один из них улыбался, зато у второго галстук отличался более ярким насыщенным оттенком.

Стол начальника уголовного розыска состоял из двух частей в виде буквы «Т». За прямоугольной ножкой этой буквы каждое утро просиживали оперативники нудные «пашарские» совещания, выслушивая очередные указания Геннадия Николаевича, больше смахивающие на бессвязный бред. Напротив харизматичных портретов выстроился ряд необходимой мебели. В шкафу хранилось то, что можно было показать всем сотрудникам милиции, в сейфе – только секретные документы. Правда, никаких загадок не существовало для двух обаятельных мужчин с высоких портретов, но они умели держать язык за зубами. Хотя, возможно, просто не могли разобрать корявый, безграмотный почерк Пашаря. Между сейфом и шкафом уместился мягкий диван из кожи красного цвета. Сидеть на нём не дозволялось никому. Справа от шкафа, в углу, рядом с дверью, стоял большой пластиковый вазон с настоящей карликовой пальмой. Это заморское чудо заставила купить и принести сюда деятельная жена Пашаря. Геннадий Николаевич лично, обливаясь потом и срывая

волдыри, донес двадцатикилограммовый вазон с автостоянки до своего кабинета и аккуратно поставил в угол. Если бы не Ольга Степановна, круглолицая, прямоугольная и широко размахивающая руками мощная женщина, сопровождавшая своего супруга до его места работы, Пашарь, скорее всего, выкинул бы это растение ещё на подступах к УВД. Несколько зелёных лепестков на кривом стебле постоянно притягивали к себе негодующие взгляды начальника розыска и вызывали ухмылки его подчинённых.

Однажды, полгода назад, морозным зимним утром, во время очередного гневно-саркастического обращения Геннадия Николаевича к своим операм, обозначившего начало планёрки, в кабинете раздался звонок из дежурной части:

–Пашарь! Быстро хватай Овсова, и бегите к начальнику! С вас сейчас будут снимать скальпы.

–За что?

–Сам знаешь.

Ощущая резкий приток адреналина в крови, сметая листки со стола, Геннадий Николаевич грузно вскочил, крикнул Овсову: «За мной!», и выбежал в дверь. В коридоре он налетел сначала на правый угол, затем на левый, больно ушиб плечо, и сбил с ног пожилую гражданку в белоснежной дублёнке. Развернувшись к возмущённой женщине, Пашарь закричал:

–Вы мешаете правосудию, я Вас сейчас арестую!

Перед посетительницей стоял мужчина среднего роста,

с широким тазом и узкими плечами. Густые брови острым углом вонзились в переносицу. Зелёные глаза светились негодованием. Круглый обвислый живот прикрывала ядовито-оранжевая рубашка, затем он подтягивался ремнём и прятался в светло-голубые джинсы. Полные, короткие пальцы хватали воздух, как будто пытались что-то нащупать. Пашарь напоминал взбесившегося цыплёнка, готового затеять первую подростковую драку.

Очевидно, подобных петушков женщина видела не в первый раз, она нисколько не стушевалась, и, пружинисто подскочив, ринулась прямо в бой. Её морщинистый палец с рисунком жёлтого тюльпана на длинном ногте уставился Пашарю прямо в живот и двинулся вверх, напоминая скальпель, вскрывающий человеческую плоть.

— У меня украли болонку, и это Вы мешаете правосудию!

— Какую ещё болонку?

— Мою бедную Мусечку.

— Это Ваша дочь?

— Вы что, debil? Это моя собака!

— А где же Ваша дочь?

— Какая дочь? У меня два сына.

— И кого из них зовут Мусечкой? Вы что, меня за идиота держите?

— Да! За две недели можно было найти всех болонок в России.

— Какие ещё две недели?

–Я писала заявление две недели назад.

–Мне писали?

–Нет, участковому.

–А при чём тут я?

–Вы мешаете правосудию!

–Да идите Вы... к участковому!

Подоспевший Овсов разнял раскрасневшуюся парочку:

–Что за дискуссия? Там начальник ждёт.

Не остывший от справедливого негодования Пашарь пролетел приёмную начальника УВД, громко пробурчав секретарше: «Нас ждут», и вошёл в кабинет непосредственного шефа.

–Вы по поводу болонки вызывали?

–Какой ещё болонки? – полковник Метелин оторвался от лежащего перед ним документа и недоумённо взглянул на подчинённого.

–Мусечки.

–Какой ещё Мусечки? Пашарь, ты не перегрелся?

–У меня идёт важное совещание. Меня послали за скальпом.

–Моим? – начальник УВД приподнял бровь и вопросительно посмотрел на Овсова.

С трудом сдерживающий улыбку старший опер пояснил:

–Дежурный сказал, что Вы нас вызывали.

–А при чём тут болонка?

–Ни при чём. Это личная инициатива Геннадия Никола-

евича.

–Инициатива – это похвально, но зачем ему мой скальп?

–Вообще-то, он свой хотел предложить. Жмёт, наверное.

–Сейчас я твой скальп сниму, – Пашарь бросил злобный взгляд на Овсова и преданный на начальство, – Товарищ полковник, по Вашему приказанию прибыли.

–Так что у тебя с Мусечкой? – Метелин строго посмотрел на начальника розыска.

–Ничего, я женат.

–Это я в курсе. А ты в курсе, что вчера ты не сдал отчёт по форме Р-1?

–Только что отнёс в штаб.

Овсов ухмыльнулся. Этот отчёт он набросал Пашарю ещё четыре дня назад, и всё это время слегка помятый листок валялся перед глазами начальника уголовного розыска как ненужная бумажка. В результате, Пашаря чуть не женили на пропавшей болонке.

–Молодцы, можете идти, – в глазах Метелина плескались озорные искры. Никаких сомнений в том, что скоро всё УВД узнает о некоей тайной связи Мусечки и Пашаря, не оставалось.

Раздражённый Геннадий Николаевич и старающийся не улыбаться Овсов вернулись в свой кабинет для продолжения оперативного совещания. Но, так как Пашаря теперь заботила только мысль о возвращении начальственной благосклонности, а ожидавшие в кабинете опера не горели желанием

переливать из пустого в порожнее, то минут через пять все сотрудники разбежались по своим рабочим местам. Ещё через двадцать минут Пашарь принял мучительное решение о стоимости подарка для начальника УВД, чтобы и не дорого было и выглядело эффектно. Теперь надо было потрясти знакомых торговцев. Купить как можно дешевле, а если повезёт, то заполучить бесплатно. Геннадий Николаевич поднял трубку телефона, и взгляд его упёрся в появившийся на пальме плод. Точнее, три плода: один банан зелёно-жёлтого цвета и две банановые кожуры.

—Этого не может быть! Кожура сама не растёт. Только вместе с бананом.

Пашарь поднялся, подошёл к пальме и трепетно ощупал недозревший фрукт. Тут он обнаружил, что всё это привязано за нитки и сообразил, что банан и кожура выросли за те десять минут, пока его не было в кабинете. С диким яростным воплем он сорвал жёлтое чучело и выскочил в коридор. Ещё долго был слышен на всех этажах Управления его спотыкающийся топот и громоподобные попытки выяснить фамилию биолога-любителя, любезно украсившего заморскую пальму. Во фруктовом дизайне никто не сознался, но с тех пор на пальме периодически появлялись самые разнообразные плоды. От замороженной вишни до пустых консервных банок из-под ананасов. Душевная щедрость обнаружилась даже у тех сотрудников УВД, которые до этого ни разу не заходили в кабинет начальника уголовного розыска.

Напротив пальмы, у другой стены, располагался сейф и стол Дмитрия Юрьевича Овсова. Старший оперуполномоченный отогнал воспоминания полугодовой давности, обошёл серого стального монстра, закреплённого за ним, и, за одну минуту до начала рабочего дня, приступил к нелёгкой милицейской службе.

–Я здесь уже два часа! – Пашарь схватил уголовное дело со стола и спрятал его в сейф, – вызвали посреди ночи и вынужден работать, пока ты дрыхнешь.

–На то ты и начальник, – назидательным тоном ответил Овсов, – не нравится, адвокаты зарабатывают гораздо больше. И отсыпаются ежедневно, и коньячок попивают в любое время дня и ночи.

–А работать кто будет? – в голосе начальника уголовного розыска слышалось неподдельное трудолюбие.

–Кто умеет.

–Это что же, по-твоему, выходит, что я не умею?

–Нет, почему же, умеешь. Только работать надо было на диване, а не на столе. У тебя след на щеке остался.

Пашарь схватился за лицо, нащупал вмятину и принялся её растирать.

–Это производственная травма, – буркнул он сквозь пальцы правой руки.

–Ну, да, – согласился Овсов, – практически боевое ранение при выполнении служебного долга. Скоро медаль дадут.

–Не умничай. Тебя и так четыре трупа ожидают.

–А тебя?

–А меня моя жена.

–Живая?

–Ты что, сдурел? Что за глупые вопросы? – Пашарь вско-
чил, подошёл к дивану и развалился на нём. Чёрные брю-
ки и синяя рубашка бесформенными пятнами расползлись в
красном прямоугольнике. Пашарь закрыл глаза и через пару
секунд открыл их, – А что, есть информация, что её хотят
убрать? Из-за меня, наверное. Меня все воры боятся.

–Нет, у меня такой информации нет.

–Вот если бы кто-нибудь хотел мне насолить, – мечтатель-
но протянул начальник уголовного розыска, – и убил бы мою
жену...

–Если бы кто-нибудь хотел тебе насолить, – в голосе Овсо-
ва слышались нотки уставшего учителя начальных классов, –
то он обязательно сохранил бы для тебя Ольгу Степановну.
Жизнью бы пожертвовал, но защитил твою драгоценную су-
пругу от всяких напастей и бед. Особенно, её жемчужный
голосок. Чтобы ты слушал её день и ночь, день и ночь...

–У меня прекрасная жена, – Пашарь подозрительно по-
смотрел на Овсова, – и с голосом у неё всё нормально.

–Мы твою жену обсуждаем или про трупы говорим?

–А нечего её обсуждать.

–Тогда почему ты постоянно вспоминаешь её в рабочее
время? Ближе к трупам. Дальше от жены.

–Звонили из гостиницы «Волшебный маяк», улица Цве-

точная, восемнадцать. Горничная в обмороке...

–Поехать побрызгать на неё водичкой, привести в чувство?

–Не умничай. Она позвонила...

–Из обморока? Телепатически?

–Слушай, заткнись. Дай договорить. Она пришла в себя и позвонила в дежурную часть. У неё там уже два часа четыре трупа валяются. Дежурный вызвал меня, сообщил в прокуратуру и отправил туда криминалистов.

–Много?

–Троих.

–Горничная пришла в себя два часа назад, пока дежурный дозвонился до тебя, пока ты протёр глаза, пока завёл машину, улицы пустые – езды минут на пятнадцать, пока через дежурку ты дошёл до кабинета... В общем, «работаешь» ты от силы минут сорок.

–Свои умозаключения будешь озвучивать трупам, им интереснее узнать, кто их грохнул.

–А тебе?

–А мне абсолютно всё равно.

–Почему ты сразу не поехал в гостиницу?

–У меня есть дела поважнее. Надо свежую капусту купить, – Пашарь медленно поднялся с дивана и широко зевнул, – сейчас на рынок поеду, поторгуюсь. Килограммов десять надо взять. И ещё полкило моркови. Жена заквашивать будет. Вкус изумительный! Заготовила на зиму целую бочку,

на балконе стояла. Всё родственнички съели. Каждое воскресенье нас навещали, хорошо хоть водку свою приносили. А в последний раз виски пили. Целых три года выдержки! Вот это вещь. Ты, наверное, и не знаешь, что такое виски?

—В первый раз слышу.

—Мог бы и не говорить. А как капусту правильно квасить? Хотя куда тебе, жены-то нет. Моя для вкуса всегда бруснички добавляет. Мастер. Высший пилотаж!

Пашарь причмокнул и стал сортировать бумажки на столе. Одни он складывал в кожаную папку, другие прятал в средний ящик тумбочки, третьи по-прежнему оставались украшать затейливо-весёлым орнаментом деревянную поверхность.

Овсов открыл свой сейф, достал коричневую папку на заклепках, закрыл металлическую дверцу на три оборота ключа и вышел из кабинета. Последнее, что он услышал от Пашаря, это было насвистывание песенки из далёкой молодости Геннадия Николаевича. Фальшивое, скрипучее, нудновато-заунывное. Впрочем, как и вся молодость супруга замечательной розовощёкой и крепкорукой Ольги Степановны.

Следовало навестить женщину в малиновом обтягивающем платье. Овсов прошёл по второму этажу, повернул налево, спустился на первый, обошёл группу молодых сержантов, несколько раз поздоровался со встречными офицерами, кому-то просто кивнув головой, кому-то приветливо пожав руку, и вышел в длинный коридор, перечерченный световы-

ми пятнами, падающими от окон и не выключенных ламп дневного света на потолке.

Приёмные начальника УВД и его зама располагались рядом, на расстоянии вытянутой руки. Если возникала необходимость открыть двери приёмных в одно и то же время, то они непременно встречались, и обязательно с глухим стуком. Обычно, во всех УВД, эти кабинеты являлись одним целым, но фантазия градостроителей города Т. предопределила иной порядок их существования. И начальник, и его заместитель были очень довольны тем, что у каждого из них было по отдельной секретарше, с отдельными помещениями, отдельными шкафами, и даже отдельными зеркалами в разных рамах, а, значит, стена между приёмными была гораздо более незыблема, чем её Берлинский аналог.

Дмитрий Юрьевич достал из кармана два арбузных чупа-чупса и открыл дверь одной из приёмных. В квадратной комнате было светло и пахло имбирем. Так как дверь приёмной открывалась в левом углу кабинета, то перед посетителем сразу представал длинный шкаф, полностью скрывающий левую стену. Направо также находился шкаф, но уже в половину короче. Таким образом, каждый входящий, сделав шаг внутрь, оказывался между двух стенок двух разных шкафов. Некоторые терялись, некоторые громко уточняли, куда они попали. Но всем приходилось делать ещё один шаг вперёд. У правой стены приёмной располагался секретарский стол. Слева от него, за шкафом направо, стоял стол по-

меньше, с электрочайником и прочей посудой. Полочки на побеленных стенах украшали цветы в горшках. Половина кабинета была спрятана мебелью, вторая – зелёными лепестками.

Овсов прокрался на открытое пространство и робко улыбнулся. Женщина в малиновом обтягивающем платье с пышной розой цвета морской волны на груди расставляла чашки на маленьком столике и наполняла их на четверть из металлического заварочного чайника.

–Тебе с имбирем?

–Конечно, – поспешно согласился Овсов и спохватился, – Но только немного.

Дмитрию Юрьевичу не нравились излишки светло-коричневого корня. От них першило в горле. Овсов присел на стул и положил перед собой оба чупа-чупса. Папку на заклёпках определил на угол стола. Хозяйка приёмной добавила в две чашки несколько маленьких кусочков имбиря, себе на один больше, чем гостю, долила кипятка, чашку с чаем без имбиря поставила на блюдце и скрылась за дверью, расположенную напротив входной. На сером фоне висела табличка с золотистой надписью: «Заместитель начальника УВД».

Внешняя сторона большого шкафа была полностью стеклянной. Все пространство шести полок занимали пластиковые папки. Взгляд издали улавливал некое подобие радуги. Верхний ряд – жёлтый, следующий – красный, далее синий, коричневый, и, наконец, чёрный. На самой нижней пол-

ке алые папки чередовались с фиолетовыми. На всех корешках чётко виднелись буквы. Никаких сомнений в том, что человек, который их расставлял, прекрасно знал алфавит, не возникало.

Над секретарским столом висели две картины. На одной розово-синие тюльпаны весёлой толпой кружили по небольшой лужайке перед голубой протокой с белыми пенными линиями. На второй художник положил на тёмный стол развесистый букет оранжевых лилий. Они свешивались вниз, почти падали, но так и замерли в этом полупоклоне навсегда.

На коричневой поверхности секретарского стола, по центру, но ближе к противоположному от рабочего места краю, стоял плоский монитор, провода от которого убежали вниз, предполагая наличие компьютера.

Чёрные колготки и малиновое платье вернулись в приёмную, слегка задев старшего опера левым бедром и поставив перед ним дымящуюся чашку. Женщина присела за свой стол и приготовилась к имбирному чаепитию.

За начальственными дверями раздался громкий яростный вопль.

–Отравился твоим зельем, – тут же уверенно проговорил Овсов, – ты ему мышьяк вместо сахара по ошибке насыпала. Или не по ошибке?

–Ага, ты уже дело раскрыл. Щас. Опер «липовый». Мышьяк или серый, или жёлтый.

–Ну, вот, похож на сахар из тростника, – обрадовался Ов-

сов.

– Чай пей, – голос из-под пышной розы был низким, чуть-чуть хрипловатым и насмешливым, – о-о, мой любимый вкус. Обожаю арбузный.

– Алина! Срочно этого урода ко мне, – лампочка на телефоне внутренней связи яростно просигнализировала несколькими короткими импульсами.

– Конечно, – миролюбиво согласилась секретарша, убирая чупа-чупсы куда-то вглубь самого нижнего ящика стола. Затем она подняла трубку, набрала короткий номер и произнесла:

– Речушкин, в чём дело? Память отказывает? Срочно к Гулину. Он ждёт тебя с любовью. Бегом.

Затем она взглянула в прищуренные глаза Овсов и неспешно сделала несколько глотков.

– Итак, ты всё видел своими глазами и слышал ушами. То же своими. Почему преступление ещё не раскрыто? Кривая преступности растёт, процент раскрываемости падает. Впрочем, у тебя всё падает.

– Зачем же обобщать? – Дмитрий Юрьевич соорудил обиженное выражение лица, сделал осторожный глоток и добавил, – Речушкин программист. Молодой, глупый, жадный. Его засунули сюда по блату. Значит, у Гулина периодически зависает компьютер, а Речушкин не может это исправить. Хоть бы догадался у кого-то проконсультроваться. Но он не будет, он не такой. Ему всё равно. Вот если бы Гу-

лин наказал его рублём... – Овсов помолчал и отрицательно покачал головой, – Нет, он и тут не будет исправлять свои ошибки. Скорее пожалуется, кому надо, и зарплату ему восстановят. А то и премию дополнительную дадут.

– Есть такой антивирус, «Призрачным» называется, – мужчина молча кивнул головой, показывая, что знает о таком, – Когда заканчивается срок обслуживания, то антивирус включает напоминалку – на экране монитора появляется надпись: «Надо срочно обновить». И так две недели, каждый день, каждые пять-десять минут. Гулин уже с ума сходит. Требует от Речушкина, чтобы тот убрал эту надпись, а он, естественно, не может. Рабочие дни начинаются странно одинаково...

Дверь приёмной широко открылась, в комнату ввалился невысокий юноша с волосами соломенного цвета и очень толстым туловищем. Настолько расплывшемся, что пройти между шкафами он смог только боком. Его пухлые щёки алели разномастными прыщами. Ничего не спрашивая, он протопал к кабинету замначальника УВД и робко постучал. Кремовая рубашка на его спине припечатывалась к позвоночнику широкой мокрой полосой почти до самого кожаного пояса, поддерживающего необъятные черные брюки. За дверями прорычали и Речушкин вошёл. Лицо его изображало покорность судьбе.

– И даже это ты увидел, – Алина поставила чашку на стол и внимательно взглянула в глаза Овсова, – И чем ты вчера

занимался? На вторую чашку не тянет?

–Ты звала из-за имбиря, второй чашки или шоу Речушкина хотела показать?

–Тебя Гулин просил зайти. Но почему-то приказным тоном.

–Суперпрограммист надолго?

–Не очень. Терпения у Гулина хватает минуты на три, не больше. Зато потом опасно заходить. Мало ли что...

–Так мне дождаться? А то меня не только Гулин жаждет увидеть, но и четыре трупа.

–На тебя большой спрос, как я посмотрю...

–Да, покойнички без меня никак.

Их негромкий разговор был ожидаемо прерван другим, гораздо более шумным и насыщенным красочными эпитетами. Слов было почти не разобрать, но громовые раскаты замначальника и срывающийся высокий голос Речушкина не оставляли никаких сомнений о том, какова была тема их беседы, что именно думал Гулин об интеллекте толстого юноши, его талантах, физиологическом расположении его рук, ног и головы и даже кое-что о его собаке и родственниках. Дверь распахнулась, оттуда вылетело искажённое муками лицо программиста УВД и, со звуками уносящегося от мышей слона, покинуло приёмную. Капли пота, срывающиеся с соломенных кончиков, начертили неровную дорожку между дверями.

В проёме показалась недовольная гримаса начальства.

– Овсов! Как вовремя, заходи.

Старший опер рефлекторно дёрнулся в сторону выхода, но сумел удержать себя в руках. Он встал, поправил рубашку, попытался нащупать отсутствующий галстук, подхватил папку и глубоко выдохнул.

–Я тебя жду, возвращайся, – голос Алины был ободряющим, но легче Овсову не стало.

Деревянными ногами он прошёл в кабинет к Валентину Петровичу и закрыл за собой дверь.

–Плотнее закрой, – Гулин смотрел на листок бумаги, лежащий перед ним на столе и угрюмо хмурился, – мало того, что антивирус уже задолбал, чуть ли не по ночам снится. Глаза закроешь, а там надпись: «Надо срочно обновить». Я бы этого Призрака обновил. По всей форме и всем статьям, чтобы знал, что такое компьютер и как свои идеи продавать. Так ещё этот малолетний нахлебник ничего сказать не может. Не то, чтобы сделать, а вообще хоть что-то объяснить. С меня завтра потребуют отчёт, сводку, или ещё какую-нибудь ерунду, и что я должен ответить? Что в УВД берут на работу кого попало? Если бы я занимался кадровым вопросом, то такого бардака не было бы, – Гулин протянул листок бумаги Овсову, – это номер «Мерседеса». Одна местная шишка из «Газпрома». Машину угнали.

–Объявить в розыск?

–Не перебивай, – Гулин покосился на подчинённого и поджал губы, – в розыск нельзя. Очень высока вероятность

того, что машину взял покататься его племянник. Объявим в розыск, а потом что? Будем перед прокуратурой оправдываться, признаваться в собственном тупизме? Мол, циферки перепутали, не тот «Мерседес» искали. Выговором не отделаемся. Ещё и звёзды поснимают. Ладно, тебе сорвут, а если мне? В общем, так, сейчас по своим каналам, тихо, негласно, без шума, начинаешь искать этого газпромковского любимца. Найдёшь, сразу проверишь, потом и будем разбираться. Всё, иди.

Спорить Овсов не стал и немедленно покинул гостеприимный начальственный кабинет.

–Всё нормально? – Алина оторвалась от печатания очередной справки, и её блестящий ноготок завис над клавиатурой.

–Да, бегу работать, – Овсов и так уже изрядно задержался и торопился в «Волшебный маяк» на очередное «свидание», которое, разумеется, никто не назначал. Нет, мелькнуло в голове Дмитрия, кто-то всё-таки назначил и его предстоит найти, обеспечив горячие рукопожатия (с наручниками), радушные слова (Вы имеете право...) и тёплый приём (в следственном изоляторе).

Он вышел в коридор, лампы дневного света уже не горели, и направился к дежурной части. Всё это время он крутил головой, рассматривая встречных и удаляющихся. Наконец, мелькнула знакомая спина.

–Петрович, ты-то мне и нужен, – Овсов крепко прихва-

тил правой рукой левый майорский локоть и тихо заговорил, уводя офицера ГИБДД в более безлюдное место, – есть очень секретное и важное дело.

–Пьянка, – обрадовано зашептал Петрович.

–Не совсем...

–Тюю, – договорить Овсову не дали, Петрович разочарованно потянул свой локоть на себя, но освободиться из рук старшего опера не смог, – Только пьянка есть дело сугубо интимное, а потому очень секретное, чтобы лишний рот не приклеился. А милицейские разборки относятся к делам государственной важности, а потому секретными быть никак не могут, – Петрович сделал паузу и поднял указательный палец вверх, – И даже тайными.

–Пьянка обязательно будет, но потом, – Овсов протянул листок с номером «Мерседеса» и объяснил суть проблемы, включая все Гулиновские пожелания, – Понимаешь?

–Дима, ты как дитя маленькое, я же тебе говорю – ничего секретного. Знаешь, сколько таких машин постоянно у нас в разработке? – Петрович сделал круглые глаза, – И не одна. Помнишь, десять лет назад у нас был в начальниках Ураканов?

Забуть вечно пьяного генерала, бродящего по вечернему УВД в поисках любого заваливающегося офицера на предмет проверки его боеготовности, было нельзя. Управление в это время просто вымирало. Самым ценным работником тогда единогласно считалась Людочка, секретарь Ураканов-

ва. Именно она сообщала всем о степени опьянения худого, резкого и порывистого генерала, о его благих намерениях в отношении подчинённых и его окончательном отбытии домой. Именно ей всегда все улыбались и старались задобрить. К счастью, Людочка оказалась девушкой невредной и всегда всем помогала. А потому Ураканову на растерзание доставались только самые ленивые и нерасторопные. Через некоторое время выяснилось, что Людочка ещё и неглупая, вместе с одним участковым она открыла несколько бутиков с одеждой и достаточно успешно торговала. Настолько успешно, что спустя пару лет, когда у генерала милицейская служба сменилась пенсионным сроком, Людочка, раздавая улыбки налево и направо, уволилась из секретарей. И тут же обнаружилось, что она является владелицей небольшого торгового центра. И мужа – бывшего участкового.

– У него была дивная привычка, – Петрович слегка развёл руки, пожимая плечами, – выпивши, а это было, как ты помнишь, каждый вечер, он брал у своих знакомых машины и ездил по городу. А потом не мог вспомнить, где бросил очередную легковушку. И мы всем отделом носились, то за ним по вечерам, то с утра проверяли все брошенные машины вокруг его дома, то обзванивали всех его друзей и знакомых. У меня был полный список всех возможных пропаж. Да и сейчас это не редкость, когда кто-то просит найти чью-то машину. А то и проследить. Сделаем, не переживай.

– Спасибо, – от слов Петровича Овсову задышалось на-

много легче, – Я всё понял. Теперь, обращаясь к тебе, следует говорить: «Секретное дело будет, но позже. Сначала так, мелочь всякая».

–О! Вот теперь я вижу, – Петрович радостно заулыбался, – Ты повзрослел. Прямо на глазах. Молодец! Это серьёзный разговор. Так и надо уметь отделять важные вещи от всякой ерунды.

Петрович махнул рукой и неспешно удалился. Овсов посмотрел на время на сотовом телефоне и укоризненно закачал головой. Так никакие покойнички не дождутся. Почти бегом он выскочил из здания УВД и досадливо поморщился. Выезд его машине был перекрыт, и теперь следовало кого-то поймать, чтобы он освободил ему проезд. Однако, присмотревшись, Дмитрий заметил, что в одной машине водитель всё-таки ещё был на месте, и бежать назад в УВД необходимости не было. Прямо перед его Жигулями стоял джип родственника Валентина Петровича. То ли какой-то троюродный брат, то ли муж двоюродной сестры, это было неизвестно. Гулин не особо жаловал этого родственника, не любил о нём распространяться, и понять его было можно. Иван Петрович Гусев выглядел лет на пятьдесят-пятьдесят пять, был невысоким, грузным, слова еле-еле цедил сквозь неровные зубы, тяжёлый взгляд мог пригвоздить кого угодно, заставляя людей чувствовать себя крайне неловко, носил очки в роговой оправе и кольцо с крупным чёрным камнем на мизинце левой руки. При этом он был дизайнером «высокой

моды», как любил он повторять к месту и не к месту, одевался всегда вычурно, иногда вызывающе. На него всё время жаловалась Алина: «Это маразм, какой-то посторонний гражданский мужик, а ведёт себя как полновластный хозяин нашего УВД. Этакий царёк с фиолетовым платочком на шее. Заходит, как к себе домой, никогда не здоровается, единственное слово – это «чай» или «кофе», причём Гулин тут же напоминает, чтобы я поторопилась. Раздаёт указания направо и налево. Позвони в ЖЭУ, скажи, что из УВД и спроси, почему это у Гусева из сорок третьей квартиры так много набежало по электрическому счётчику. Наверняка, это мастера-электрики докрутили. УВД их проверит! Прямо сегодня! А сам при этом хвастается Гулину, что свет в комнатах вообще не выключает, телевизор и музыкальный центр работают круглыми сутками. Как-то соседи его прилетели с жалобой на постоянный шум. Гулин меня завёл в кабинет и дал чёткую инструкцию – скажи им, что если немедленно не заберут заявление, то для них же и будет хуже. Сам не стал угрожать. Мало, ли что, вдруг и на него накатают. Меня решил подставить. Я так и сказала, не заберёте, будете иметь дело с замначальника УВД. Люди покривились, возмутились, наговорили гадостей и ушли. А каким тоном этот Гусев всё это преподносит. Как будто я его личная рабыня! Может запросто подойти во время разговора по телефону, вырвать трубку и сам позвонить. Когда это случилось в первый раз, я побежала Гулину жаловаться. И что ты думаешь? Оказывает-

ся, на работе надо работать, а не болтать по телефону. Вот я дура необразованная! Говорю, Валентин Петрович, это и был служебный разговор, я Ваше поручение передавала. А почему раньше не позвонила? А сам вроде как уже и не помнит, что поручение давал минуту назад. Вот уроды! И, правда, родственники. Один похлеще другого будет. Однажды, в самом начале знакомства, очень-очень вежливо спрашиваю: Иван Петрович, подскажите, пожалуйста, какой цвет будет в моде этим летом? А он таким нудным, противным голосом: Мода – это смысл жизни, образ мышления. А дорогие советы дорого стоят. И ушёл, ухмыляясь. Через полчаса Гулин мне сказал, чтобы я поменьше общалась с этим Гусевым. Он сам с ним спорить не любит, родственник, всё-таки. Говорит, я ему не перечу. Да и характер у Ивана Петровича далеко не сахар. Гусь, одним словом!»

Общаться с дизайнером «высокой моды» Овсову не очень хотелось. Однако, уехать с автостоянки надо было как можно быстрее. Ускорив шаг, чтобы Гусев не успел выйти из машины, старший опер подбежал к левой передней двери джипа. И тут же встретился с недовольным взглядом чёрных глаз Ивана Петровича. Овсов с удивлением отметил, что высота глаз сидящего за рулём Гусева совпадала с высотой его собственных глаз. Они находились на одном уровне. Дизайнерскую грудь и брюшко плотно облегал светло-коричневый джемпер с большой фотографией Сталина на груди. «Вождь всех народов» ласково улыбался, слегка приглаживая пуши-

стые усы указательным пальцем левой руки. Под скулами Ивана Петровича виднелся воротник персиковой рубашки.

– Доброе утро, мне нужно выехать, моя машина сразу за Вашей, – старший опер не торопился уходить, как бы случайно блокируя дверцу Гусева и не давая её открыть. Последний, не мигая, несколько секунд разглядывал Овсова в упор, явно пытаясь телепатически передать ему всю энергию своей души. Наконец, в глубине чёрных зрачков уже всюю запылало пламя, а по спине Дмитрия Юрьевича побежали первые ручейки. Впрочем, солнечные лучи и жар от только что заглушённого двигателя джипа, возможно, как раз и создали тёплую, дружественную обстановку. На седьмой секунде терпение Ивана Петровича иссякло, и он, включив зажигание, резко сорвался с места. Спустя мгновение в уши ударил визг тормозов, сумевших удержать передние колёса джипа от въезда на нижние ступеньки лестницы УВД. Понимая, что Гусев не станет проявлять к нему повышенного внимания, Овсов рывком распахнул дверцу Жигулей, бросил папку на заклёпках на соседнее сидение, запрыгнул на водительское место и одним плавным движением завёл машину, вывернул руль влево и выдал педаль газа. Боковым зрением он успел заметить, что джип «вершителя высокой моды» очень резко дал задний ход и в считанных сантиметрах разминулся с правой стороной молочных Жигулей.

На Цветочной улице никаких цветов не было. Не было даже деревьев, которыми иногда прерывают асфальт тротуа-

ра. Любого идущего, бегущего, стоящего на этой улице окружали только строительные материалы. Преобладали бетон и стекло. Даже цвета на этой улице были вялыми и блеклыми. Считающие себя продвинутыми в искусстве знатоки обязательно бы отметили, что в этом незабываемом месте полной палитрой, блистательно представлены пастельные тона. Так сказать, «чувствуется лишь лёгкое дыхание цвета». Однако те, кто непосредственно работал на покраске этих зданий, прекрасно помнили, как примчавшийся прораб, мастер или даже архитектор просто добавляли в огромную бадью с краской немереное количество белил, предварительно отлив себе пару баночек с жидкостью, необходимой для украшения стен собственной дачи, частного домика, а то и просто городской квартиры.

Улица была узкой, с односторонним движением. Овсов подъехал вплотную к дверям гостиницы и остановился рядом с милицейским уазиком. Невдалеке стояла машина областной прокуратуры. Старший опер кивнул водителю уазика, бросил взгляд на вывеску «Гостиница «Волшебный маяк»» и потянул за массивную позолоченную ручку. В небольшом холле слегка хаотично разбрелись небольшие двухместные диванчики и висели полупрозрачные оранжевые гардины. За длинным столом девушка в белой блузке внимательно следила за действиями Овсова. Наверное, администратор. Дмитрий направился к ней, заметил на левой стороне её груди бейджик и достал служебное удостоверение.

–Третий этаж, номер триста двадцать пять, – даже не взглядывая в красную книжечку, усталым тоном сообщила де-вушка.

–Спасибо.

Овсов поднялся по неширокой лестнице, отделанной под белый мрамор, на третий этаж. Посередине коридора стояли два человека. Один из них Дмитрию был незнаком, с другим Овсов работал уже несколько лет.

Александр Валерьевич Новиков, старший следователь городской прокуратуры, отличался абсолютной уравновешенностью и спокойствием, никогда, ни с кем не ругался, и даже голоса не повышал выше обычного разговорного. Свою работу Александр Валерьевич выполнял очень тщательно, из-за чего считался среди коллег нудным, серым и скучным человеком. Поговорить с ним они могли только о политике, которую Новиков всегда оценивал позитивно, несмотря ни на какие мировые кризисы. Почти сразу после знакомства со старшим следователем прокуратуры, Овсову довелось расследовать одно убийство, связанное с не очень дорогим антиквариатом. При этом неожиданно всплыла фамилия жены Новикова. Александр Валерьевич не занимался этим делом из этических соображений, но помощь Овсову оказал очень большую. Дмитрий буквально за несколько дней разоблачил убийцу, используя знания самого Новикова и его жены. Овсову пришлось несколько раз переговорить с Александром Валерьевичем у него дома и довольно близко познакомиться

с его семьёй. Попивая чай с печеньем или булочками (всё время разными, пекла старшая дочь), Овсов прислушивался к чужому семейному общению и оно ему нравилось. У Новикова было три дочери, старшей он помогал с математикой и физикой (в этом месте у Овсова удивлённо вытянулось лицо, но этого никто не заметил), младшую водил по выходным на танцы (хореографический ансамбль «Тростинки»), также все выходные он помогал своей супруге в организации благотворительных аукционов (отсюда и познания в области антиквариата). В зале квартиры Новиковых висело несколько грамот, которые следователь прокуратуры с гордостью показал Овсову. Все они рассказывали о благодарности общества Новиковой Оксане Геннадиевне за бескорыстный труд. Благодарность выражали: губернатор Т-ской области, московская благотворительная организация, московский фонд помощи детям, российское отделение Мирового фонда защиты животных и даже женевская комиссия по правам детей. За последним дипломом на французском языке Оксана съездила в Швейцарию, заодно свозив туда на экскурсию нескольких детей-инвалидов. Все расходы взяла на себя принимающая сторона. Начальство уважало Александра Валерьевича за умение всегда и везде держать язык за зубами, но не любило за независимость и отсутствие чиновничества. Овсову нравилось, что у него с Новиковым совпадало главное: на первом месте – раскрытие преступления, а затем всё остальное.

–Ты не торопился, – рукопожатие Новикова было сухое и крепкое.

–А работать кто будет? – незнакомцу было лет двадцать семь, ладошка его чуть-чуть вспотела и пальцы едва обозначили своё приветствие лёгким прижатием к кисти руки Овсова.

–Бруталов Сергей Степанович, младший следователь, неделю как начал у нас трудиться, – больше ничего Новиков не добавил и Овсов только кивнул головой.

–Я загляну, – Дмитрий считал, что самое первое впечатление самое верное, и лучше всего осматривать место убийства, когда там ещё никого не было. Сегодняшнее утро получилось небыстрым, так что нечего терять время, когда покойники уже так близко. Он повернулся и подошёл к распахнутому прямоугольнику, заглядывая внутрь гостиничного номера. Глаза методично и планомерно стали ощупывать всё вокруг.

Серая, дымчатая дверь с табличкой «325». Однокомнатный номер на четверых постояльцев. Стены выкрашены в белый цвет, кроме той, вдоль которой стоят кровати. Она пестрит ярко-оранжевой расцветкой. При входе в номер, в прихожей, справа вдоль стены располагается светло-коричневый шкаф. В нем находится сейф, две дополнительные подушки, два одеяла, отделение для обуви, встроенный мини-бар, полка для сумок и других принадлежностей. На полку плотно втиснуты два спортивных рюкзака, один чёрный

чемодан на колёсиках и большая спортивная красная сумка. Слева в прихожей, на двери, ведущей в туалет и ванную, висит зеркало высотой метра два. Прихожая и комната отделены дверным проемом. К одной из стен комнаты придвинут стол с тремя выдвижными ящиками. На столе находятся чайник и четыре грязные чашки, в углу прикреплен телевизор из чёрного пластика с отлетевшей панелью управления и расплавленной дырой в боковом динамике. Над столом висит большое квадратное зеркало. Еще выше, горизонтально вытянутая лампа дневного света. В другом углу, ближе к балкону, стоят стол и три белых стула с зеленой обивкой. На одном стуле валяется тёмно-фиолетовый шерстяной свитер, на спинке другого висит голубая, мятая на спине, рубашка. Ножки стульев обнимает мини-горка чёрных носков, распространяющих едкое зловоние. Напротив стены со столом находится оранжевая стена. Вдоль нее стоят четыре кровати с зелеными, в синий орнамент, покрывалами. Справа от каждой кровати располагается небольшая тумбочка. Над каждой тумбочкой прикреплен треугольный светильник. На оранжевой стене висит небольшая поделка, сложенная из деревянных палочек. Балкон прикрывают белый тюль и плотные тёмно-персиковые шторы.

На каждой кровати лежало по трупу. Восковые белые лица заканчивались большим красным овалом запёкшейся крови. Из них виднелись обрубки шейных позвонков. Все четыре головы были почти отделены от туловища и держа-

лись только на небольшом лоскутке кожи. Подушки, простыни, матрасы были насквозь пропитаны кровью. Между ножек кроватей, кое-где, виднелись алые капельки. Одни из них ярко горели в лучах света, падающего через щель между шторами, другие, незаслуженно попавшие в тень, напоминали старый засохший кетчуп. Казалось, даже в глубине зеркал застыла ужасная гримаса смерти.

Глава 3. Семьдесят пять грамм водки

По номеру медленно и плавно кружило два человека. Их ноги скользили по светлому линолеуму голубоватыми бахилами, на руках виднелись белые перчатки. Пинцетами они собирали в пластиковые пакеты всё, что им казалось важным. Важного набралось немного. Один из экспертов направился к выходу. На его плече висели видеокамера и фотоаппарат.

–Привет, – криминалист снял перчатку и пожал руку Овсову, затем обратился ко всей троице, – мы всё обработали, номер недавно убирали влажной тряпкой, пальчиков почти нет. Чётких – только четыре разные ладони. Наверное, постояльцы, – эксперт оглянулся, – бывшие постояльцы. Сейчас подъедут наши и заберут трупы.

–Что-нибудь интересное? – Бруталов не стал дожидаться действий более старших и опытных коллег, решив блеснуть дежурным вопросом.

–Самое интересное случилось ночью, – криминалист строго взглянул на младшего следователя, – а у нас рутинная работа: орудие убийства отсутствует, ничего подозрительного и необычного не обнаружено, – эксперт кивнул головой на пластиковый пакет, – Вот эту мелочёвку проверим, но ско-

рее всего пустышка. Да, убийцу тоже пока не нашли.

Последнее явно адресовалось Сергею Степановичу.

– Паша, вот смотри, особых брызг крови ни на стенах, ни на полу нет, – Овсов указывал на ближайшего покойника, – а мог ли убийца сначала чем-нибудь накрыть лицо и шею человека, например, подушкой, а потом, из-под неё уже резать?

– Ты знаешь, – Павел прищурил глаза, разглядывая труп, словно товар на полке магазина – а ведь, наверное, так и было. На груди одного из них валялся пиджак. Мы его отдельно упаковали, уж очень много крови в нём оказалось. Мне даже подумалось, что он под трупом лежал, и поэтому в ткань так обильно натекло.

– Сколько, предположительно, было убийц? – вопрос тоже был дежурным, но важным и Александр Валерьевич это прекрасно понимал.

– Чувствуется одна и та же рука. Скорее всего, правая. Глубина и угол разреза одинаковые. Опять же, выводы после вскрытия.

– Я сегодня заеду за бумажками, – тон Бруталова не оставлял никаких сомнений относительно его мнения о скорости работы экспертной службы.

– Бумажки в туалете. У нас заключение, – Павел бросил на младшего следователя ещё более строгий взгляд, – вскрытие невозможно провести за полчаса. Кстати, – он повернулся к Новикову и Овсову, – у них в крови большое содержание алкоголя. Запах мощнейший.

– Это от носков, – усмехнулся Дмитрий.

– Запах алкоголя объясняет, – кивнул головой Александр Валерьевич, – почему никто не проснулся, когда их резали, как ягнят.

Послышался дробный звук милицейских ботинок. В коридор завернуло несколько человек.

– Василий Андреевич нашёл «добровольцев», – Павел объяснил многочисленность группы, состоящей в основном из сержантов. Подошедшие надевали белые перчатки и разворачивали спецмешки на молниях. Оставшийся в номере эксперт негромко объяснял, с какой стороны подойти к покойнику и как правильно уложить каждого в спецмешок.

– Сфотографировали? – высокий мужчина в очках отделился от группы и поздоровался с каждым за руку.

– Да, Василий Андреевич, фото, видео, все ракурсы, – Павел вроде бы отчитывался, но так буднично, как будто рассказывал о своём вчерашнем завтраке, – всё просмотрели в ультрафиолете и инфракрасных лучах. Отпечатков пальцев немного. Образцы крови взяли с каждой кровати. С пола всё подмели и сложили в пакет.

Совсем недавно экспертно-криминалистический отдел УВД получил новое оборудование. Вплоть до фотографирования места происшествия в ультрафиолете и инфракрасных лучах. Всем уже показывали эффектные снимки, но прогресса в результатах пока ещё не было.

– Собаку приводили? – опоздавший Овсов выспрашивал

всё постепенно.

– Да, – Новиков показал на пол перед самой дверью номера «325», – вот прямо тут и потеряла след. Кинолог по её поведению определил, что здесь чем-то специально намазали, чтобы нюх отбить. Пёс аж заскулил.

– Пробу взяли? – Василий Андреевич деловито разглядывал пол под ногами.

– А как же, – Паша кивнул на фотоаппарат, – и сфотографировали в том числе.

Сержанты вновь застучали ботинками, но уже в обратную сторону. Некоторые из них несли спецмешки, другие сумки с вещами покойников. Все эксперты собрались в номере и негромко переговорили между собой.

– Вроде всё, – Павел попрощался с оставшейся троицей, – будут результаты, сразу позвоним.

Криминалистический отдел в полном составе отправился в УВД. Четыре трупа за одно убийство попадают не часто. Работы намечалось много, тяжёлой и кропотливой.

Овсов зашёл в номер и огляделся. Вся мебель сохранилась целой и стояла вроде бы на своих местах. Значит, никакой драки не произошло. Ни стол, ни стулья, ни стены не были ободраны, особых царапин на них не сверкало. Ничего нигде раскиданным не валялось. Если не считать бордовых матрасов и подушек, то номер наверняка ничем не отличался от соседнего. Овсов приподнял угол одного матраса. На его нижней стороне виднелись какие-то разводы. Дмитрий

жестом подозвал младшего следователя, и они вдвоём перевернули матрас. Теперь разводы виднелись явственно. Если бы они располагались хаотично, то Овсов не обратил бы на это никакого внимания. Но эти полосы были параллельными между собой и тянулись от одного края к другому. Как будто по матрасу водили граблями, и они оставили чёткий след среди подсыхающей крови. Нет, не граблями, чем-то более лёгким. Да и расстояние между полосками не сильно, но отличалось. Овсов и Бруталов перевернули все остальные матрасы, картина одинаковых линий повторилась четыре раза.

—И что это может значить? — на лице младшего следователя читалось недоумение.

—Посмертные конвульсии? — Овсову самому представить такое было сложно. Никакие судороги не могли оставить строго параллельные между собой следы. Даже если это агония известного физика-математика.

—Куда-то тащили? — свой вклад попытался внести и Новиков, — да, нет, абсурдно, кто и зачем перетаскивал бы матрасы с покойниками? Такой риск и следов в коридоре нет никаких.

—Они бы тогда были кривыми, — Овсов указал на линии на матрасе, — а они прямые.

Капитан милиции попытался прощупать матрасы изнутри. Достаточно тонкие постельные принадлежности особыми изысками не отличались и никаких внутренних секретов не хранили.

Дмитрий попросил Бруталова помочь, и они поочерёдно внимательно оглядели все кровати. Из уголка крепления дальней койки Овсов достал кусочек прозрачного целлофана, застрявшего под металлической полосой.

— Это наверняка от упаковки осталось, — Бруталов тут же поспешил поделиться жизненным опытом, — не всё убрали.

— Да, скорее всего, — старший опер предположил то же самое, но на всякий случай засунул целлофановый кусочек в небольшое отделение свой папки, — пойду дежурную внизу опрошу.

— Я с тобой, — Новиков оглянулся на младшего коллегу, — а Вы подождите здесь.

— Какая официальщина, — оба мужчины завернули на лестницу и, не спеша, начали спускаться. Овсов вопросительно посмотрел на следователя прокуратуры, — Ты это чего?

— Бруталов уже не мальчик, но и взрослым, по всей видимости, не станет. Работу начал с того, что в первый же день побежал стучать прокурору города. На всех. Ладно бы, что-то серьёзное, нет, начал рассказывать, как все сидят и ничего не делают. То есть, его, Бруталова пора назначать командиром. Вот его мне и подсунули. Или научится, или совсем дураком станет. Чувствую, он во втором уже достиг небывалых высот.

— Так ему и объяснять ничего нельзя, — голос Овсов сразу стал серьёзным, — он таких дров наломать может...

— Да, при нём лучше вообще молчать, — Новиков кивнул

головой, – но это не главное.

Старший следователь остановился между вторым и третьим этажом и внимательно оглядел лестницу.

–Никого. Ты не слышал такую кличку – Дагер?

Овсов несколько минут помолчал, пытаясь хоть что-то припомнить.

–Нет. Абсолютно ничего. Даже вскользь. Что случилось?

–Появился новый мафиози. Резко, ниоткуда. Никто ничего о нём не знает. Соблюдает жёсткую конспирацию. Но при этом уже половину наркодиллеров в нашем городе переключил на себя. Деятельность большая, а следов никаких. И все очень боятся на него стучать. Кто-то пустил знатный слух, что он свидетелей не оставляет. Может, правда, может, нет.

–А вы по кличке не отработывали?

–Пробовали. Ничего. По фамилии – пусто, немецкие корни тоже ничего не дали.

–Кстати, а разве Дагер – не фамилия того, кто изобрёл фотоаппарат. Тогда ещё снимки называли дагерротипом. Может, это фотограф.

–Приходило такое в голову. Только сколько этих тружеников объектива и затвора? Сотни. Городских можно проверить. А если приезжий? А если просто любитель?

–Да, проблема.

–Если хоть что-то услышишь, сразу дай знать.

–Обязательно.

Сотрудники карающих органов начали медленно спус-

каться по лестнице и вскоре подошли к девушке с уставшим лицом, маленькой складкой на тонком воротнике белой блузки и надписью «Администратор» на жёлтой табличке на груди.

–Несколько вопросов, если Вы не против, – Овсов постарался изобразить вежливость в голосе и учтивость в глазах.

–Какое уж тут против, – девушка удивлённо посмотрела на обоих мужчин, – такого шока я ещё никогда не испытывала. Сама бы искала убийцу, если б смогла. Постояльцы уже всюю подкалывают: «Надо было гостиницу назвать не «Волшебный маяк», а «Волшебный маньяк»».

–Понимаю, – невольный смешок Овсова замер под строгим взглядом Новикова, – как Вас зовут?

–Аня.

–Аня, скажите, давно эти люди заселились в гостиницу?

–Покойные?

–Да.

–Три дня назад. Это четыре однокурсника, по крайней мере, они написали в анкетах при заселении, что учатся в одном училище.

–Откуда они приехали?

–Из Малых Монахов. Это городок в нашей области.

–Я знаю. Как они себя вели?

–Вставали к обеду, уходили, возвращались к ужину, ели в нашем ресторане, подымались в номер, переодевались, уходили и раньше двух часов ночи ни разу не появлялись. Тут,

за углом, есть клуб «Морская черепаха». Они постоянно там околачивались. Ночью возвращались только пьяными, почти невменяемыми. Но всё время вчетвером.

–Кого-нибудь приводили? Знакомых женщин, проституток?

–Куда им, самим бы дойти.

–С кем-нибудь ругались.

–Не знаю, – девушка немного помялась, – имеет ли это значение...

–Сейчас всё имеет значение.

–Они вчера поругались с одним командировочным. Проходили мимо меня и громко говорили о том, что натолкнулись на него в «Морской черепахе». То есть здесь, в гостинице, стычка произошла, а потом и там, в клубе, то ли грызня, то ли склока. У командировочного номер тоже на третьем этаже. Но ничего конкретного я не знаю.

–Ребята при деньгах были?

–Да, у одного из них папа очень крупный бизнесмен в Малых Монахах. Мальчик весь из себя. Хвастун неимоверный. Командовал остальными, так как платил за них.

Овсов открыл папку и достал кусочек целлофана.

–Скажите, как давно покупали матрасы, и похожа ли эта плёнка на ту, в которую они были упакованы?

–Совсем недавно, месяц или чуть больше. Плёнка? Да, именно такая и была.

–Спасибо.

Овсов и Новиков начали подниматься обратно на третий этаж.

– Думаешь, командировочный тут замешан? – Александр Валерьевич не верил в совпадения, но и притягивать за уши сомнительные факты не хотел.

– Надо сейчас зайти и проверить его номер, – Дмитрий вздохнул, – жалко, эксперты уехали.

– Ну, если он убийца, то точно не дурак, и в номере ничего не должно быть. А вот руки его проверить надо.

– Химикат для собаки?

– Да. Но опять же, если он всё утро отмывает руки, одежду, обувь, ещё чего-нибудь, то вряд ли останутся хоть какие-нибудь следы.

– Если он всё утро занят, а ночью их сторожил, так как вчера поругались, то ни вчера, ни ночью он даже глаз не сомкнул, а значит они у него красные, воспалённые.

– Вид усталый, кровать не расправлена, мокрые вещи, – Новиков и Овсов переглянулись, и следователь прокуратуры добавил, – а ну, пошли быстрее.

Дежурная по этажу сидела в своей комнате и держала в руке стакан с жидкостью. Она заметила заинтересованный взгляд обоих мужчин и осуждающе проворчала:

– Это вода с валерьянкой.

В доказательство она протянула стакан сидящей рядом с ней женщине и заставила выпить.

– Горничная, – объяснил Новиков.

– Уже полпузырька выпила, – тихо произнесла дежурная, – а успокоиться не может.

Полноватая невысокая женщина в тёмно-синем халате периодически всхлипывала, прижимая к лицу оранжевое полотенце. Глаза её опухли, руки дрожали.

– Может, и правда, лучше водки? – Овсов вопросительно посмотрел на дежурную. Последняя жестами показала, что именно так она и поступит, когда все уйдут и оставят их в покое.

– Вы всё равно меня подождите, я недолго, – Овсов осторожно дотронулся до руки горничной, обращая на себя внимание. Женщина устало кивнула головой.

– Где у вас живёт командировочный? Он не вставал? – вопросы Александра Валерьевича были обращены к дежурной по этажу.

– А он ушёл. За час до того как нашли этих, – дежурная оборвала себя на полуслове и испуганно втянула голову в плечи.

– Как ушёл? – почти в один голос произнесли оба мужчины.

– Так, оставил ключ и ушёл.

– Давайте ключ и пойдёмте вместе с нами.

Они торопливо прошли к номеру «331» и открыли его. Овсов отодвинул всех в сторону и медленно зашёл. При этом он старался ни до чего не дотрагиваться. В номере никого не было. Мокрые вещи нигде не висели, влажные узоры везде-

сущими щупальцами по полу не расползались. Аккуратная выправка кровати, как и отсутствие даже малейших следов поспешной уборки, говорили о мирно-безмятежном настроении обитателя номера этим беспокойным утром. Либо о его крайнем цинизме в сочетании с наличием железных нерв.

–Заходите.

Новиков пропустил дежурную вперёд. Александр Валерьевич медленно обошёл номер и заглянул во все уголки. Нашёл в шкафу сумку командировочного и осторожно заглянул туда. Затем прошёл в ванную комнату и, спустя минуту, вышел оттуда. На немой вопрос Овсова отрицательно покачал головой.

–Посмотрите, – Овсов указал дежурной на номер, – всё ли на своём месте. Может, что-то странное и неестественное.

–Наши вещи в порядке, – женщина пожала плечами, – вроде всё как всегда.

–Как выглядел командировочный, когда уходил?

–Как обычно. Одет, обут. А что?

–Может, он был пьян, или немного выпивши. Или плохо спал, глаза красные. Или торопился, или вялый был.

–Да нет, знаете, очень обычно выглядел. Трезвый, выбритый, одеколоном пах. Бодрый такой. Улыбался.

–А в городе он с какой целью?

–Приехал на завод «Протон».

Овсов и Новиков переглянулись. Завод «Протон» славился своими химическими изделиями. И в бытовой области и

в медицинской сфере. Овсов достал из своей папки визитку и вручил дежурной.

–Когда он появится, обязательно мне перезвоните. Говорить ему ничего не надо, а вот следующей дежурной обязательно передайте.

–Конечно, конечно, я же понимаю, – женщина немного суетливо повела руками и спрятала визитку в карман.

–Он с кем-нибудь ругался?

–Кто, командировочный? – дежурная явно удивилась, – Нет, наоборот, он всё время очень довольный. У него, наверное, на «Протоне» всё получается. Ходит на завод, как на праздник.

–Интересно, – хмыкнул Новиков, – а убитые ребята с кем-нибудь ругались?

–Не знаю, не слышала, – женщина пожала плечами, – вечером, точнее ночью, они пьяные, а днём молчаливые. Похмелье мучает.

Они вернулись в комнату, где их ждала горничная. Мужчины присели на небольшой диванчик, отодвинув гладильную доску с утюгом, а дежурная вновь накапала валерьянки в стакан и развела её водой.

–Я целиком и полностью осознаю, что сложно. – Овсов постарался говорить убедительно, – но, всё же, давайте ещё раз вспомним это утро.

Горничная всхлипнула, и дежурная почти насильно влила ей в горло полстакана воды.

–Ну, сколько можно, – дежурная укоризненно посмотрела на Овсова, поставила стакан на стол и тут же принялась наполнять его заново.

–Хорошо, давайте вспоминать вместе, – миролюбиво согласился старший опер, – только не ошибайтесь, всё должно быть точно и ясно.

–А чего ошибаться? – дежурная явно знала не меньше самой горничной, – тут не ошибешься никак. Ребята три дня всего, и ни одного вечера трезвыми не были. В «Морской черепахе» весело, от них так несло спиртным, еле ноги переставляли, я им сама два дня назад номер открывала, они ключом попасть не могли. В коридоре возня и шевеление какое-то, я вышла посмотреть. А они уже на полу растянулись и храпят. Пришлось командира их растолкать, ключ взять и в номер запихнуть. Все горничные у них тихонько по утрам убирают. Там такой храп стоит, что и пылесосить можно спокойно. Но уже не рискуют. Меняют полотенца и подметают.

–Мусор ещё собираем, – неожиданно подала голос горничная, – у них всегда много мусора. Как будто специально разбрасывают. Зайдёшь, на них и не смотришь, они храпят, стонут во сне, пукают. Извините.

–Ничего, ничего, – Новиков сам потянулся за стаканом и жестом показал дежурной на валерьянку. Руки дежурной дрогнули и нечаянно влили успокоительного снадобья больше, чем следовало. Новиков поднёс стакан горничной и она, вздохнув, выпила.

–Я зашла, всё как всегда разбросано. Я сразу в ванную, поменяла полотенца.

–Вы с тележкой работаете? – уточнил Овсов.

–Да, так удобней, никуда бежать не надо, грязные полотенца бросила в корзину, чистые повесила в ванную. Потом прошла в комнату, глядя в пол, на них чего смотреть. А потом поняла, что очень тихо и подняла глаза, – тут горничная поперхнулась и опять громко всхлипнула.

–Ну, понятно, понятно, – Новиков тут же прервал её рассказ.

–Она закричала, – быстро продолжила дежурная, – я прибежала. А она стоит посередине номера. Ну, вы понимаете...

–Понимаем, понимаем, – Овсов представил, как внезапно обнаруживает себя между четырьмя трупами и его передёрнуло, – конечно, понимаем. Скажите, а почему так рано... зашли в их номер.

–В это время убирают лестницу и коридор. По графику, – дежурная указала на большой расчерченный лист ватмана, висящий на стене, – Ну, и к ним заходят. Пока они ещё совсем пьяные и ничего не слышат. С похмелья все злые, зачем раздражать лишний раз появлением перед их мутными глазами. Молодёжь наглая, невоспитанная, потом скандалов не оберёшься.

–А Вы сами ничего ночью подозрительного не слышали?

–Нет. Совсем ничего. Спала пару часов всего лишь. Да и то, так, дремала.

– Вот когда она закричала, неужели никто в коридор не выскочил?

– Да у нас на этаже все такие жильцы, что рано не встают. И кричала она секунду, две.

– Мне показалось, что они сейчас протянут ко мне руки, – горничная расширила глаза и торопливо добавила, – знаете, как в телевизоре. Я решила, что лучше молчать и тихонько уйти, но ноги отказали. Вообще их не чувствовала.

– Она на меня повалилась, и я её на себе вытаскивала, – дежурная зачем-то указала на свои плечи, – я сама не успела испугаться. Сразу милицию вызвала.

– А мне сказали, что в милицию звонила горничная. Причём из глубокого обморока...

– Я думала, меня сразу про трупы расспрашивать начнут, – дежурная смутилась и слегка покраснела, – и мне придётся обратно в номер бежать. Знаете, очень не хотелось, вот и сказала, что я горничная и мне плохо.

– Если ты всё, то пойдём, – Новиков рассматривал график уборки, перебегая глазами с одной строки на другую, и вопросительно оглянулся на Овсова.

– Всё.

Внезапно коридорная тишина нарушилась трелью жаворонка. Старший опер взглянул на свой сотовый и укоризненно покачал головой.

– Пашарь звонит. Не терпится ему. Сам поехать не захотел, а теперь будет учить на расстоянии пяти километров от

места преступления, – он нажал на кнопку телефона, – слушаю.

–Овсов, ты почему не отчитываешься?

–Рано ещё.

–Что значит рано? Скоро уже обед.

–Докладывать нечего. Эксперты уехали недавно. Их заключение будет завтра-послезавтра, опрос проведён только частично, по гостинице ещё ходим.

–В смысле, ты там ещё ничего не делал?

–Работа ведётся.

–Значит так, раз ты такой умный, то знай – если не будет никаких улик, то завтра на сводное городское совещание у губернатора едешь ты. Вот там и будешь умничать.

Сотовый телефон замолчал.

–Вот оно что. На совещание боится попасть. Чтобы мундир там не замарать.

–Можно подумать, он у него чистый, – усмехнулся Новиков, – чистюля.

–Надо другие номера осмотреть и опросить, – Овсов растегнул папку и достал парочку чистых листов, – давай мне своего Бруталова. Пусть смотрит и учится. Если сможет, конечно.

Номер «326» был пуст. Дежурная открыла ключами дверь, и Дмитрий бегло осмотрел комнату. В номере «327» проживали художники. Овсов и Бруталов показали свои удостоверения открывшему дверь длинноволосому мужчине с коро-

тенькой бородкой и маленькими усиками и прошли внутрь. Второй постоялец находился на балконе.

Даже ничего не спрашивая можно было догадаться, что здесь обитали служители муз, люди с повышенным творческим потенциалом. Холсты и ватманы полностью закрывали своим матерчато-бумажным телом всю стену за четырьмя кроватями. Холсты сверкали белизной, на каждом ватмане было что-либо нарисовано. Рисунки явно тяготели к абстракционизму. На столе лежали несколько кисточек и палитра с красками. Немного поодаль желтела большая ваза, доверху наполненная фруктами. Повсюду виднелись многоцветные водяные разводы. Не только на полу и стульях, но и на деревянных панелях коек, их ножках и отчасти покрывалах разбегались, разлетались и мельтешили крошечные частички, крупинки и кляксы всех оттенков радуги.

Впустивший их мужчина развернулся к столу и продолжил своё занятие. Периодически он чуть-чуть касался кисточкой какой-нибудь краски и наносил её на ватман, лежащий перед вазой с грушами и сливами. Из зелёно-красных плодов торчал разбитый мобильный телефон, за вазой стояла бутылка с газировкой без этикетки.

—Интересный натюрморт, — Дмитрий указал на треснувший дисплей телефона, — а это, наверное, главная идея произведения?

—Да, связь времён, старое и новое, естественное и рукотворное, сладкая груша и бесполезная техника. Прекрасное

и отторгаемое природой, – художник взглянул на старшего опера, – А Вы, я вижу, разбираетесь в живописи.

– Не так, чтобы очень, – Овсов слегка смутился, в искусстве он не разбирался вовсе, зачастую полностью полагаясь на мнение Алины. Он указал на листы ватмана возле кровати, – вот такое я вообще не воспринимаю.

– Ну, что Вы, – художник снисходительно улыбнулся, – это всего лишь проба цвета. Подбираем различные варианты и сравниваем их. Здесь мы не рисуем. Только на свежем воздухе, вдали от городской суеты.

– А Ваш коллега?

– Он пытается уловить настроение дня. Когда солнце прячется за облаками, всё выглядит абсолютно по-другому. Вот он и впитывает в себя некую энергию, чтобы потом выплеснуть её на холст.

Накопитель энергии, слышавший весь разговор, помахал с балкона сотрудникам органов рукой и указал на приближающуюся тучу.

– А по какому вопросу, позвольте полюбопытствовать, Вы нас посетили?

– В соседнем номере произошло убийство.

– О, да, да, мы слышали шум в коридоре, выглядывали. Там стояли милиционеры. Правда, об убийстве нам никто не сказал.

– Можно ваши паспорта?

– Да, конечно, – представитель творческой интеллигенции

несколько растерянно оглянулся и почесал лоб, – а где он?

– Может в верхней одежде?

– Да, конечно, – возглас радости сменился скрипом открываемой дверцы и шуршанием одежды, – вот же он.

Овсов открыл паспорт и сверил фотографию. Длинные волосы, бородка и усики в точности совпадали с реальностью. Второй художник оказался ещё более волосатым, а заодно и лохматым. Правда, паспорт утверждал, что его шевелюра всё-таки была когда-то знакома с расчёской.

– Что-нибудь слышали ночью? Скрип, скрежет, шорохи, может, крики?

– Кричат нам только музы. Остальные шумы истинным творцам не интересны.

– Где ещё двое проживающих? – Овсов знал об этом от дежурной по этажу, стоящей в коридоре.

– Ушли краски покупать. Должны скоро подойти.

– Можно их паспорта?

После недолгого обшаривания пиджаков и курток на свет появились ещё два документа с такими же длинноволосыми мастерами изобразительных шедевров. Овсов и Бруталов попрощались и направились к выходу. Следователь прокуратуры, обходя энергетического эстета, некстати перегородившего проход, носком туфли наступил на тубик голубой краски, предательски торчавший из-под крайней кровати. Колпачок тубика не выдержал давления прокуратуры и весело выстрелил на ногу созерцателя борьбы солнца с облаками. Та-

почки последнего мгновенно превратились в очередное уникальное творение абстракционизма.

–Извините, – голос Бруталова звучал виновато, но не искренне.

–Извините нас, – добавил Овсов, пряча улыбку.

–Ничего, ничего, отмоем, – обладатель бородки и усиков только отмахнулся, – не впервой.

–Давайте немного по-другому, – Овсов подошёл к Новикову и дежурной, – вы сейчас проверьте все пустующие номера, а ему, – он указал на Бруталова, – продиктуйте количество человек в каждом номере, где они есть, и мы по ним пройдемся.

–Конечно, – дежурная открыла рот, приготовившись диктовать Бруталову.

–Погодите, – Овсов ткнул пальцем в следующую дверь, – здесь сколько?

–Один мужчина.

–Отлично, вы пишете, а я пока проверю, – слова Дмитрия Юрьевича увенчались лёгким стуком в табличку «328». В открывшийся небольшой проём он протянул своё удостоверение и вошёл. В номере было два человека. Мужчина и женщина.

На столике в углу стояли стаканы и выпитая на две трети бутылка водки. Рядом валялись обёртка из-под варёной колбасы и засохшие кусочки хлеба. В воздухе витал запах затхлости и небольшой попойки. Постель на одной койке была

не заправлена, на второй валялись какие-то вещи. Лица людей свежестью не отличались.

–Паспорта, пожалуйста.

Находящиеся внутри испуганно переглянулись.

–Может, договоримся, – мужчина потянулся к груди вещей, вытянул мятый пиджак и достал портмоне.

–О чём? – почти весело уточнил старший оперуполномоченный.

–Ну, Вы меня понимаете... По крайней мере, как мужчина.

–Понимаю, – Овсов подумал, что на всякий случай расслабляться не стоит, – если Вы не против, я осмотрюсь.

–Зачем, – удивление мужчины тут же сменилось отчаянием, – я могу добавить. В крайнем случае, можете забрать её, – он указал на женщину. Последняя возмущённо вскрикнула.

–Я подумаю, – Овсову становилось всё смешнее, и он бегло оглядел ванную комнату и балкон. Дверь на балкон распахнул пошире и так оставил. Затем открыл дверцы шкафов и окончательно убедился, что эта парочка действительно та, за которую себя выдаёт, а не маскирующиеся убийцы. Мужчина и женщина за его спиной о чём-то яростно переговаривались.

–Я могу Вас бесплатно обслужить, – дамочка приподняла край платья, продемонстрировав пышную бледную ногу.

–Так о чём Вы хотите со мной договориться? – Овсов строил сердитое выражение лица.

–Чтобы Вы нас не трогали, – мужчина недоумённо пожал плечами.

–А почему я здесь?

–Рейд проводите, – уверенность женщины говорила о многом.

–Что вы делали ночью? – неоднозначный вопрос Овсов задал специально.

–В каком смысле? – мужчина оторопел.

–Чай пили, – тут же нашлась его спутница.

–Несколько часов назад, в одном из номеров на этом этаже зверски зарезали четырёх молодых человек, – Овсов выдержал небольшую паузу, – это не вы сделали?

–Нет, – с ужасом выдохнул побелевший мужчина.

–Так чем вы занимались ночью?

–Да трахались мы, трахались! – почти истерично выкрикнула женщина.

–Вы уверены?

–Конечно, – мужчина усиленно закивал головой.

–Паспорта покажете, или всё ещё стесняетесь?

Сладкая парочка начала судорожно рыться в скомканных вещах, переругиваясь и отталкивая друг друга. Не прошло и минуты, как перед лицом старшего опера уже возвышалось два паспорта в дрожащих руках. Дмитрий взял оба, не спеша, внимательно прочитал, сверив фотографии и озвучив вслух прописку каждого.

–Что же Вы, Маргарита Сергеевна, в тридцать восемь лет

никакой профессии больше не имеете?

–Ты сказала, что тебе только тридцать! – возмущение мужчины было таким вспльчиво-горячим, что поневоле перед глазами Дмитрия промелькнули алтарь, священник, кольца и кружевная фата, а уши различили все слова клятвы верности.

–Какая тебе разница?

–Большая! Я не буду платить!

–Чтоо?!

Овсов почувствовал себя лишним, бросил паспорта на стол и вышел, оставив за собой закрытую дверь, незаконную торговлю телом и двух недовольных людей.

Следующим, последним из занятых номеров, был «303» и идти пришлось в другой конец коридора. Этот номер также был двухместным, и в нём также обнаружилась немолодая парочка. Высокий крупноватый мужчина с лысой головой носил простую белую майку, его спутница – белоснежный халат. На их столике, на большом металлическом подносе, фужеры толкались с бутылкой дорогого шампанского, вазочкой, наполовину заполненной клубникой и тарелкой с нарезанными апельсинами. Появление сотрудников милиции и прокуратуры не вызвало ни беспокойства, ни удивления, ни испуга.

–Вы муж и жена?

–Молодожёны, – поправила Овсова женщина.

Дмитрий перелистал документы и действительно обнару-

жил регистрацию брака. Вот только у новоявленного мужа она была седьмой по счёту, а у его жены – десятой.

– Большая любовь? – вопрос не имел никакого значения, но вырвался у Овсова поневоле.

– Можно и так сказать, – голос мужчины зазвучал неторопливым басом, – знаете, как бывает: знакомы давно, друг другу симпатичны, но о серьёзных отношениях и не думали...

– Я моделью была. Год, как бросила, – женщина действительно выглядела эффектно и было заметно, что она разбирается в умении подать себя, – мужья все только из богемной тусовки. Ни одного нормального. Вся жизнь – сплошной подиум. Надоело.

– А у меня завод туалетной бумаги. Как женюсь, так через пару месяцев начинается. То машину подороже, то бриллианты покрупнее. А где семья? Дети? Лет пять неженатым ходил. Вот, год назад с Виолеттой стали чаще встречаться и удивились, как нам вместе хорошо. Решили оформить отношения.

– Ночью ничего постороннего не слышали? Странные стуки, шорох в коридоре?

– Да нет, – молодожёны переглянулись, – вроде ничего.

– Точно, это они, – торопливо заговорил Бруталов в коридоре, когда дверь в триста третий номер закрылась, – что за бред: жениться в седьмой раз?

– Сколько они ещё будут здесь проживать? – подошедший Новиков обратился к дежурной.

–Оплатили месяц, сегодня только шестой день. Постоянно заказывают шампанское.

–Маскируются, – обрадовался Бруталов.

–Представляешь, какие затраты они несут? – Овсов посмотрел на младшего следователя, – Это означает только одно – преступление заказное. А кому нужна смерть четырёх сопляков?

–Для маскировки, – собственная теория Бруталову понравилась, и он собирался отстаивать её до конца, – убить нужно было одного, остальных зарезали, чтобы запутать следствие.

–Ничего себе, путаница. Надо быть сумасшедшим, чтобы взять на себя ещё три трупа.

–Или маньяком, – добавил Новиков.

–Вот они маньяки и есть, – Бруталов указал на дверь номера «303», – надо проверить.

–Хорошо, вызови психиатра и проверь, – предложение Овсова Бруталову почему-то не понравилось, и он, молча, отвернулся.

На листок с номерами и количеством проживающих в них Дмитрий Юрьевич дописал фамилии и нарисовал расположение коридора и комнат. Затем спрятал листок в свою папку на заклёпках. Они попрощались с дежурной, и вышли на улицу. Насупившийся Бруталов немедленно залез в машину прокуратуры и замер на заднем сидении, подчёркнуто внимательно разглядывая дом напротив гостиницы. Овсов и Новиков не спеша прошли до левого угла здания с вывеской

«Волшебный маяк», где, как и ожидалось, обнаружили пожарную лестницу.

–Рядом с окном, около метра, не больше, – Овсов вздохнул и добавил, – химикат для собаки перед дверью номера ни о чём не говорит. Практичный человек, а убийца очень на такого смахивает, не станет тянуть с этой дрянью, а будет сразу отбивать нюх у собаки. Не мазать же ему пожарную лестницу, если он по ней уходит, или разливать химикат на тротуар перед гостиницей, если убегает по улице...

–И не будет натирать гостиничную лестницу, если он с другого этажа...

–А самое главное, он этим добился, что под подозрением остаются по-прежнему все.

–Весёлое начало.

–Александр Валерьевич, ты всё-таки дай поручение этому «гению сыска» разузнать всё о мальчишках на их малой родине. Мало ли, может действительно, какой-нибудь злопамятный «друг» решил восстановить справедливость. Тайком приехал за ними сюда из Малых Монахов и так у него удачно сложилось, что теперь все на профессионального киллера думают. Заодно Бруталову и стучать будет некогда.

–Логично. Хорошо, поедem мы. Если что, сразу звони и просьбу мою не забывай.

Они пожали друг другу руки и Новиков заспешил к скользящему коллеге. В этот момент Овсова потянули за левый рукав, и он оглянулся. Перед ним стоял загорелый невысо-

кий парень худощавого телосложения в потёртых джинсах и линялой жёлтой футболке. На его правом плече застыла синяя ухмылка полуголой девицы, а на груди болтался золотой ключик на толстой золотой цепи. Широкая улыбка молодого паренька демонстрировала его привязанность к чёрным жевательным резинкам с запахом абрикоса.

–Дмитрий Юрьевич, здравствуйте! Пойдёмте ко мне, я же тут, рядом, – паренёк махнул рукой в сторону небольшого приземистого строения, притулившегося между двух многоэтажных домов и гордо именовавшегося (большими белыми буквами) «Пивной магазин». Идти было метров пятьдесят.

–Привет, Юрик. Пойдём, посмотрим твои владения.

Судьба Юрика изрядно покапризничала, выделявая разнообразные па. Несколько лет назад он отчаянно бегал от всех участковых города Т. Отпетый хулиган, срывающий шапки с людей в автобусе, курящий травку и приторговывающий лёгкой наркотой, он был как бельмо на глазу всей городской милиции. В конце концов, его поймали, но посадить смогли только на полгода за мелкое хулиганство. Не стесняясь, во всех инстанциях – в милиции, на суде, Юрик громко обещал по возвращению из зоны устроить всем такой незабываемый шухер... что поневоле в общении с ним все держали рот на замке и чесали в затылке. Через полгода Юрик вернулся. Этого не заметил никто, даже его соседи по лестничной клетке. Ещё через пару месяцев Юрик арендовал небольшой магазинчик и стал торговать пивом (офици-

ально) и самогоном (неофициально). К пиву прилагался широкий выбор всевозможных вяленых и копчёных рыб. Бизнес пошёл. Первый же участковый, переступивший порог этого заведения в предвкушении лёгкой добычи, наткнулся на директора в лице Юрика, растеряно заулыбался и вежливо поздоровался. Откушав поднесённые сто грамм, участковый поблагодарил и спешно ретировался. Больше Юрика не беспокоил никто. Спустя ещё какое-то время Юрик сам заявился в УВД. В руках у него были пакеты. В пакетах – разливное пиво. Визиты Юрика стали постоянными. Как будто он ходил на работу и настойчиво вежливо наливал всему уголовному розыску. Очень скоро он стал для оперов своим, и его даже приглашали на дни рождения. Тем более, что только с его одного подарка (выраженного в некотором количестве ящичков пива) можно было умопомрачительно напоить собравшийся коллектив. Овсов и сам уже не помнил, сколько раз он выпивал вместе с Юриком. Его владения Дмитрий никогда не посещал.

За большими двойными дверями помещение условно разделялось на две части. Справа чернела длинная стойка магазина, где помимо пива и рыбы можно было купить и хлеба и колбасы. Краснели помидоры, зелень однотонно сливалась с огурцами, конфеты выделялись разноцветьем. Слева тесно прижимались друг к другу столики для тех, кто готов был перекусить стоя. Несмотря на достаточно ранний час, они уже были наполовину заполнены. Люди держали в руках бокалы

с пенистой жидкостью и активно шуршали вяленой таранью и воблой. Любители посолиднее неторопливо разделявали судака, любители попроще – доливали в густую пену из прозрачных бутылок прозрачную жидкость. Очень часто короткие перекусы превращались в длительные попойки с поисками друзей, попытками затянуть «Вечерний перезвон» и требованиями позвать стриптизёрш.

Юрик подвёл Овсова к небольшой двери, находящейся за столиками. Они вошли, и Дмитрий обнаружил ещё одну комнату. Так сказать, вип-зал на шесть персон. Вокруг деревянного лакированного стола, упиравшегося в подоконник большого окна, располагалось три маленьких диванчика. Какие-нибудь ещё предметы быта и мебели питейного заведения в эту комнатку больше не влезли бы.

–Присаживайтесь, Дмитрий Юрьевич, я мигом, – с этими словами Юрик исчез.

Вместо него появилась девушка в сиреновом коротком рабочем халатике с запотевшей бутылкой, стопочками, тарелкой нарезанного сервелата, булкой белого хлеба с кунжутом и пучком душистого укропа.

–Можно чаю или кофе?

–Конечно, – девушка кивнула и через пару минут принесла пластмассовый фиолетовый чайник, заполненный на две трети, стаканы, фарфоровую сахарницу с отколотой ручкой и несколько пакетиков чая и кофе.

Овсов взял один стакан за края, поднёс к глазам, убедил-

ся, что стекло чистое, выбрал квадратик зелёного чая, налил кипятка и отставил в сторону. Пусть остывает, заодно и настоится.

– Да что она, – зашедший Юрик приставил к запотевшей бутылке тарелку с помытыми огурцами и помидорами, – не могла хлеб нарезать? Я сейчас.

– Юрик, – Овсов остановил уже открывшего дверь хозяина заведения и помахал пальцами перед своими губами, – чем-нибудь запах перебить.

– Понял, – Юрик широко улыбнулся, – сейчас будет.

Ещё через пару минут Юрик собирал крошки со стола, а Овсов удивлённо рассматривал ребристые листики мяты на маленьком голубоватом блюде. Аромат от них растекался по комнатке, перебивая запах колбасы и огурцов. Хозяин за-столья звучно откупорил бутылку и наполнил две стопочки.

– По двадцать пять грамм? – намётанным глазом оценил Овсов.

– Самая удобная тара, – согласился Юрик.

– Откуда у тебя свежая мята?

– Заказываю, привозят. Люблю чёрный чай с листьями мяты.

– Гурман, – усмехнулся Овсов и поднял стопочку, – давай, за твой бизнес.

– Спасибо, Дмитрий Юрьевич, – Юрик выпил и соорудил себе бутерброд с колбасой, – всегда Вас уважал. Вы самый спокойный и рассудительный из всего уголовного розыска.

–Подхалимничаешь?

–Обижаете.

–Шучу, шучу, – Овсов уложил на ломоть хлеба пару веточек укропа, придавил кружочком сервелата и сверху построил дольку огурца. Несколько минут они молча закусывали. Затем Юрик налил второй раз.

–Давайте за уголовный розыск, – бывший зек улыбнулся, – чтобы никогда с ним не встречаться.

–Давай, – поддержал Овсов и они выпили.

–А что Вы в гостинице делали?

–Убийство там произошло. Четыре трупа.

–Кто-то порезвился, – Юрик покачал головой, – и кого отправили на тот свет?

–Молодых парней. Ты, кстати, ничего не видел, не слышал?

–А что я могу увидеть в этих стенах? Пиво, водка, постоянные клиенты, половина из которых на одно лицо. Синее-красное.

–М-да, – Овсов потянулся за стаканом чая, но спохватился, – давай по третьей, чтобы нечётное количество было.

–Тогда за здоровье, – Юрик наполнил стопочки, и они чокнулись ими. Раздался глухой, но приятный звук, – я сейчас.

Директор «Пивного магазина» убежал, оставив Дмитрия одного. Старший опер ещё немного закусил, чередуя огурцы, укроп и помидоры, затем придвинул свой стакан и по-

болтал пакетиком чая, наблюдая за появляющимися пузырьками. Взял листок мяты и начал медленно жевать. Ощутил прилив прохладной свежести, разлившейся во рту и гортани. Вспомнил аромат вчерашнего виски. Запил это горячим чаем. Подумал и пару листиков мяты положил в папку на заклёпках. Взглянул в окно. Внутри рамы неизвестными путями попала муха и бессильно билась о прозрачную твердь. С того места, где сидел Овсов, очень хорошо была видна улица, а также все заходящие и выходящие из двери под вывеской «Волшебный маяк».

Глава 4. Одна неработающая видеокамера

Клуб «Морская черепаха» находился в пятнадцати минутах ходьбы от гостиницы. Овсов прошёл внутрь распахнутых настежь дверей, заметив, что после первых пластиковых створок шли вторые металлические, куда более крепкие и надёжные. Полутёмный зал освещался только в одном углу, возле барной стойки. В противоположном, метров через тридцать, смутно белела статуя пышногрудой русалки. Между этими двумя местными достопримечательностями располагались столики со стульями, отгороженные невысокой ширмой столики с диванами, танцевальная площадка и небольшие, ступеньки на полторы, возвышенности. Очевидно, для любителей показать себя всем, в одетом виде и не очень. Все стулья и диваны были стилизованы под черепах. Приглядевшись, Овсов обнаружил, что вид у мебели обычный, даже заурядный, а вот накидки на ней топорщились черепашьими мордами и лапами. Разумеется, присаживаться посетителям приходилось на тёмно-синие панцири. Овсов усмехнулся: даже его домашние тапочки нелепого розового цвета выглядели более натуральными и естественными пресмыкающимися, чем местная, затёртая до дыр, морская живность.

На потолке многочисленные провода разбегались в разные стороны, соединяя между собой остроконечные и круглые лампочки, крутящиеся юпитеры и зеркальные шары. Колер стен плавно менялся от голубого до фиолетового. На правой стене мерцали металлические краники миниатюрных каменных водопадов. Сейчас они не журчали. Напольное покрытие ничем не отличалось от янтарного песка. Разве что мелкие надоедливые крупинки не липли к ногам. Неравномерно разбросанные по залу кадки с пальмами напоминали редкие джунгли заброшенного острова. Овсов машинально поднял глаза, заглянув под листья ближайшей. Ничего похожего на банановую кожуру там не висело. Сбоку от барной стойки ряд дверей подсказывал о том, что здесь есть мужской и женский туалеты, а также служебное помещение. Тянуло сквозняком и растворимым кофе.

– Клуб днём не работает, в баре начинают наливать с шести, если хотите посмотреть ночную программу, приходите не раньше половины десятого, – высокий, широкоплечий мужчина в строгом чёрном костюме и красном галстуке поставил белую чашку на стойку и указал Дмитрию на выход.

– Вы не похожи на охранника.

– Я начальник службы безопасности. Охрана работает в основном вечером и ночью, так что, не беспокойтесь, у нас Вы приятно проведёте время.

– Не уверен, – Овсов подошёл к любителю горьких напитков, достал удостоверение и развернул его.

–На нас кто-то пожаловался? – приветливый взгляд мужчины тут же превратился в настороженный и недоброжелательный.

–Вчера неподалёку произошло крайне неприятное событие. Свидетели ссылаются на вас.

–И что же это за событие? – лицо начальника службы безопасности заострилось, глаза сузились.

–Давайте для начала посмотрим записи ваших камер наблюдения.

–Если я Вас правильно понял, Вы хотите просмотреть вчерашние записи видеокamer? – голос мужчины неожиданно повысился на полтона, разнося эхо в пустом клубе по дальним уголкам.

–Да.

–И Вы из уголовного розыска? – зачем-то повторно уточнил шеф безопасности «Морской черепахи».

–Вы же прочитали. Или не успели? – в голову Овсова закралась мысль о том, что стоящий перед ним человек не только глухой, но и не умеет читать.

–Верю Вам на слово, – голос мужчины опять стал нормальным, он развернулся и неторопливо двинулся через весь зал, к дальней двери, – пойдёмте.

Они прошли мимо неправдоподобно большой груди улыбающейся русалки, которая могла бы вполне претендовать не просто на звание первой морской красавицы, но и на место супруги повелителя всех океанов, и зашли в маленькую,

одностворчатую дверь. За ней прятались несколько метров узкого коридора, выводящего на лестницу вверх. Поднялись на второй этаж, затем на третий, прошли в обратном направлении коридора вниз, спустились на второй этаж и длинным г-образным коридором вышли к двери с надписью «Охрана». Зашли в неё, пересекли насквозь, открыли ещё одну дверь.

Над широким пультовым устройством висели многочисленные мониторы, молодой человек в голубой джинсовой рубашке сосредоточенно щёлкал клавишами и переключателями. Чёрный вставной наушник закрывал его правое ухо, левый болтался на плече. Справа от молодого человека дымила высокая, почти полная, фиолетовая кружка с белой надписью «Колян». Дно кружки окружала большая лужа тёмной переливающейся жидкости. Вошедших людей смотрящий за мониторами не заметил. Начальник службы безопасности дотронулся до его плеча.

– Аркадий Борисович, это Вы, – радостно воскликнул молодой человек, снимая наушники с головы и небрежно отбрасывая их за «Коляна», – зашли проверить? А я вот как раз камеру наладил. Всё работает.

– Молодец, Николай, – мужчина в красном галстуке указал на Овсова, – человеку тут надо, он тебе сейчас сам всё объяснит.

– Здравствуйте, – Дмитрий взглянул на экраны, – минутку, я посмотрю.

–Конечно, конечно. У нас времени много, – начальник службы безопасности оглянулся, придвинул себе стул левой рукой и развалился на нём.

На всех мониторах темнел клуб. Полностью центральный зал, два входа, главный и запасной, три лестницы, коридоры второго и третьего этажа, мужской туалет. Ни в одной комнате второго и третьего этажа камер не было. Разглядывая всё это несколько минут, Овсов ещё раз (мысленно) прошёл от места встречи с начальником безопасности до комнаты с Николаем. И убедился, что можно было зайти в приоткрытую дверь за баром и подняться по третьей лестнице. Этот путь выглядел явно более коротким, чем тот, который они проделали. Его повели в длинный обход. Дмитрий достал служебное удостоверение и показал Николаю.

–Мне нужно посмотреть вчерашние записи вашего клуба.

В ответ Николай молча развернулся и взялся за компьютерную мышку, видневшуюся в центре пульта управления. Он открыл на компьютерном экране папку с надписью «архив видеокamer», в ней – папку с вчерашней датой. Щёлкнул каким-то файлом, и на всех мониторах загорелась активная вечерняя жизнь.

–Вам с которого часа включить?

–Примерно с девяти, – Овсов решил, что немного временного запаса не помешает, – сначала посмотрим в общем, а затем подумаем.

Однако ничего общего он не и собирался рассматривать.

Главный вход «Морской черепахи» располагался к «Волшебному маяку» ближе, на него Овсов и смотрел, иногда поглядывая на запасной. Редкие посетители появлялись разрозненно и малочисленно, и Дмитрий попросил ускорить запись. Теперь человечки двигались дергано, как в немом кино, только в два раза быстрее. Лица покойников Овсову запомнились очень хорошо, да и модную куртку сына бизнесмена из Малых Монахов с броскими надписями старший опер рассмотрел, поэтому пропустить не боялся. В крайнем случае, запись можно и перемотать назад.

Наконец, около половины одиннадцатого вечера, четвёрка зашла в клуб и сразу направилась в бар. Пропустив несколько стаканчиков, они присели за ближайший к бару столик. Как раз недалеко от мужского туалета, около стены, под фонтанчиком, в окружении парочки пальм. С собой из бара они прихватили четыре литровые бутылки, стаканы и тарелочку с нарезанным лимоном. Все напитки были разными и, как убедился в дальнейшем Овсов, ни одна разновидность алкоголя не была употреблена в первоизданном, «чистом» виде. Отдыхающая молодёжь активно (порой и агрессивно), соревновалась в умении сострять самый нелепый коктейль, затем выпить его двумя, а то и одним глотком. Проглотить одновременно четыре лимонные дольки не удалось никому. Около одиннадцати часов вечера крайний справа монитор погас.

—Что случилось?

– Вот как раз эта видеочамера и сломалась, – Николай вздохнул и развёл руками, – точнее, настройка сбилась. Сейчас переустановил, вроде работает.

Так как Овсов непрерывно смотрел только за будущими покойниками, то и не особо приглядывался к тому, что творилось в клубе. Погасший монитор заставил его понаблюдать за всем ночным столпотворением. Сломалась та видеочамера, на которой до этого была видна роскошная русалочка. И сейчас же старший опер уголовного розыска обратил внимание на то, что очень многие посетители «Морской черепахи» иногда подходили к незабываемой статуи и через пару минут уходили. Что именно творилось у подножья грудастой красавицы, видно не было. Некоторые почитатели морских бюстов возвращались на танцевальную площадку, некоторые присаживались за столики с диванами, а некоторые и вовсе уходили. Однако, будущие гостиничные жертвы ни разу не отдали дань почтения творению неизвестного скульптора. Мужской туалет попарно и втроём они посетили неоднократно, но маршруты их передвижений на этом и ограничились.

Весёлый заколдованный круг (бар – столик – туалет) продолжался до двух часов ночи. Словно под угрозой расстрела четверо парней ни на шаг не отклонялись от избранного пути. М-да, вздохнул Овсов, это их не спасло. А может, даже и погубило. Будь они хоть немного потрезвее... Наконец, пьяная четвёрка уже не могла стоять на ногах и приняла ре-

шение отправиться спать. Точнее, решение это приняло изрядное количество выпитого алкоголя, а молодёжь, хоть и не была с ним согласна, сил сопротивляться уже не нашла. Все четверо встали в одну шеренгу и крепко обняли друг друга за плечи. Затем начали неторопливо передвигаться к выходу. Никто не выбивался из ряда и не сбивался с шага. Ели всё-таки кто-то оступался, то остальные замирали и ждали его возвращения в строй.

Отработанная тактика, мелькнуло у Овсова, не в первый раз так напиваются. Никого не задевают, смотрят только себе под ноги, кроме официанта, вообще ни с кем не общались. Да и общаться им сложно. В таком-то состоянии. Либо администратор Аня что-то напутала, либо специально наводит милицию на ложный след. Так явно? Ведь на её оговорку сразу обратят внимание. Нет, скорее, напутала. Возможно, неправильно услышала. Восемь заплетающихся ног промаршировало к главному входу. Видя их состояние, все встречные уступали им дорогу. Ни о каком скандале не могло быть и речи.

–Сохраните эти записи до завтра. Или я, или кто-то другой придёт их изымать.

–Зачем?

–Это нужно по уголовному делу.

–Как по уголовному делу? – мужчина в красном галстуке подскочил со стула, – Вы упоминали только неприятное событие!

– Не надо так волноваться, – Овсов успокаивающе поднял руку, – ваш клуб не имеет никакого к нему отношения. Я в этом только что сам убедился. Но записи будут нужны. Либо для подтверждения слов свидетелей, либо для опровержения. Всего-навсего. Формальности надо соблюсти, не более того.

Овсов попрощался и направился к выходу.

– Я Вас проведу, – начальник службы безопасности сделал два семенящих шага за старшим опером, но последний его остановил.

– Не надо, я сам.

Затем Овсов прошёл через комнату охраны, повернул из коридора сразу на третью лестницу, спустился, открыл дверь, расположенную за баром, обошёл длинную стойку с белой чашкой, недопитой мужчиной в красном галстуке, и вышел через главный вход клуба на улицу.

Прохлада «Морской черепахи» сменилась припекающей жарой. Редкие далёкие облака даже и не пытались конкурировать с небесным светилом за пространство над городом Т. Овсов вышел на середину проезжей части в надежде поймать хоть какой-то ветерок, но не ощутил и малейшего дуновения. Медленными шагами он вернулся на тротуар и также неспешно двинулся к гостинице. Интересно, вчера было прохладно и ветрено, сегодня всё наоборот. Погода уже исправилась на тёплую, или только намекает на лето? Скорее всего, просто дразнит.

Надо было сразу попросить показать записи видеокамер и за позавчерашний вечер. Или Николай успел их стереть? Вряд ли. Так торопился, что один наушник вытащил, а второй – нет, разлил кофе и не вытер, даже кружку на чистое место не переставил. Да, очень торопился. Они не знали, что нужно уголовному розыску. Громкий повтор слов Дмитрия начальником службы безопасности для программиста стал сигналом к действию. Значит, удаляли компромат на себя. А зачем его записывать? Потому, что хотят контролировать ситуацию. Особенно, если она скользкая. Наркотой в клубе торгуют. Непосредственно под замечательной грудью русалочки. Это то, что само напрашивается в выводы. А что не напрашивается? Мало ли. Но мозгов на более сложные комбинации у них не хватит. Откуда известно? Очень просто – если бы соображаловка у начальника безопасности подобного заведения работала нормально, он, не отрывая чашечку от губ, сказал бы Овсову заглянуть через пару часов, так как программиста нет на месте. Вроде, как к врачу отпросился. Или за нужной деталькой в соседний магазин побежал. А Николай бы уж догадался смыться куда-нибудь, не пересекаясь со мной в коридорах «Морской черепахи». Может, зря я ушёл коротким путём? Не надо демонстрировать свою догадливость преждевременно, ни к чему. Ну, да ладно, что уж теперь.

Овсов оглянулся на главный вход клуба. Двери весёлого заведения по-прежнему были распахнуты, солнце не могло

напрямую потрогать морскую красавицу за грудь, только с помощью случайных зеркальных зайчиков, воробьи не стремились стать алкогольными клиентами ночной жизни «Морской черепахи», даже ветер игнорировал кофейные пристрастия начальника безопасности клуба.

Никаких зацепок, кроме скандального командировочного не было. Но и эта версия уже трещала по швам. Четыре перерезанных горла и так мало смахивали на бытовое убийство, а теперь ещё и мотив в виде ссоры перестал просматриваться. И в переносном и в прямом смысле. Почти отрубленные головы говорили о необычайной злобе убийцы, о его ненависти к покойникам. Если он действовал сгоряча, в состоянии аффекта, как говорят юристы, то на следующий день этот человек должен был ужаснуться тому, что он сделал. Овсов увидал многое в уголовном розыске: некоторые, придя в себя после такого, вешались или стрелялись, некоторые сходили с ума, самые шустрые хватали паспорт и деньги и бросались в поезд, на теплоход, на самолёт, к чёрту на рога. Но и там их доставала совесть. Не далее, как в прошлом году, на Камчатке, недавно приехавший туда мужчина обратился в милицию. Написал явку с повинной. О том, как убил в городе Т. свою жену с любовником. Застрелил дробью из охотничьего ружья. Два полуголых трупа на белой простыне. Лица всмятку. А ведь год, как на пенсию вышел. Страсти какие, усмехнулся Овсов. И не поймёшь, то ли любовь, то ли ревность такая.

Может, ребята изнасиловали какую-нибудь девчущку? И её папа решил не затягивать с правосудием? Такое можно и не узнать. В гостиницу они никого не приводили, побывали ли в других квартирах и общежитиях, не известно. Надо дать участковому поручение обойти близлежащие дома с фотографиями покойных. Овсов осмотрелся, он уже почти подходил к дверям «Волшебного маяка». Где стоит попытаться опросить жильцов? Вот теснятся два многоэтажных дома рядом с гостиницей, и вон тот, на углу, с длинным рекламным банковским плакатом, проходишь мимо него, когда идёшь в «Морскую черепаху». Да, пожалуй, и хватит. Взгляд Овсова скользнул вдоль улицы. Многочисленные витрины и вывески играли солнечными бликами. И в офисах на первых этажах следует поспрашивать. Может, видели, когда четвёрка мимо проходила. Или навевывалась куда-нибудь. Ребята здесь три дня всего прожили. Что они ещё успели сделать, кроме того, что ему поведал пять минут назад экран монитора?

Глаза Овсова наткнулись на белые буквы пивного магазина. Расположен ещё ближе, чем клуб, а напиток можно не хуже. Удобно для жаждущих. Надо продавщиц Юрика опросить. Без его ведома, не предупреждая. Понятно, что бывшему зеку не захочется помогать сотрудникам уголовного розыска. Даже если и пьёшь с ними пиво. Тем более, своё.

Овсов подошёл к Жигулям, достал ключи от машины и оглянулся на дверь гостиницы. Зайти ещё раз? Может, он что-то упустил, может, кто-нибудь что-нибудь вспомнил.

Или дождался ухода милиции и опять где-нибудь следы преступления затирает. Дмитрий спрятал связку в карман и направился внутрь.

–Ой, а я как раз собиралась Вам звонить, – дежурная по третьему этажу удивлённо рассматривала сотрудника уголовного розыска, как будто он прочитал её мысли и сразу же телепортировался на диванчик комнаты с графиком уборки на стене, – командировочный вернулся.

–Спасибо, – Овсов и сам не понял, за что он поблагодарил женщину. То ли за то, что она собиралась ему звонить, то ли за хорошее мнение о скорости отечественной милиции. Даже слишком хорошее, – а почему Вы ещё на работе? Разве не положено смениться?

–Лето на носу, – дежурная вздохнула, – треть наших работников уже в отпусках. Да и доплачивают неплохо.

–Ну да, ну да. – Овсов покивал головой и подумал о том, что в таком режиме спать только два часа за ночь невозможно. Поэтому убийца и кажется невидимкой.

Он подошёл к номеру «331» и негромко постучал. Спустя несколько секунд дверь открылась. Перед ним стоял высокий загорелый худощавый мужчина с овальной головой. Сквозь тёмный цвет его волос клочками пробивалась седина. Густые брови словно срезали с затылка и приклеили над глазами. Массивный нос легко держал очки в тонкой серебряной оправе. За выпуклыми стёклами шурились то ли серые, то ли голубые глаза. Они уставились в удостоверение,

которое развернул Овсов и внимательно там всё прочитали.

– Нам надо поговорить, – Дмитрий не спрашивал разрешения войти, а просто двинулся на мужчину, вынуждая его отступить внутрь номера. Ни тщательная внимательность при чтении, ни возникшая вдруг напряжённость в лице командировочного, Овсову не понравились.

– Предъявите, пожалуйста, паспорт.

– А что случилось? – когда мужчина заговорил, складка на его шее задёргалась, и от этого стала казаться ещё больше.

– Обычная проверка, – безмятежно ответил старший оперуполномоченный уголовного розыска, – ничего особенного.

Тонкие очки начали медленно оглядывать номер, задерживаясь на прикроватной тумбочке, шкафу в прихожей, вешалке, на которой темнели куртка и пальто, мельком зацепили стол и остановились на кровати. Неужели прячет паспорт под матрасом? Овсов посмотрел на руки потенциального убийцы. Достаточно большой кулак и длинные мощные пальцы. С первой минуты присутствия Овсова и по сей момент – строгая прямая осанка. Наверняка, бывший военный. И под матрасом у него длинный острый нож. Для отделения ненужных частей тела от самого тела. Овсов усмехнулся, но невольно внутренне подобрался и придвинулся к прихожей. Если что, можно просто выскочить из номера и помахать дверью перед носом загорелого убийцы.

Мужчина подошёл к кровати и нагнулся вниз. Затем достал из-за дальней ножки небольшой коричневый дипломат

и открыл его. Расстегнул змейку на боковом кармане и вытащил оттуда паспорт.

–Алялин Фёдор Андреевич, – Овсов просмотрел все листы и записи, вплоть до группы крови и сведений о предыдущем паспорте, – зачем приехали в город?

–В командировку на завод «Протон».

–Чем занимаетесь?

–Это входит в обычную проверку? Или у Вас личный интерес?

–Пытаетесь шутить? – Овсов изобразил суровое выражение лица, – не надо с милицией шутить. Мы не мыльные пузыри пускаем и не в крестики-нолики балуемся. Мы занимаемся безопасностью общества.

–Знаю я, чьей безопасностью Вы занимаетесь.

–Да, и чьей же? – Овсов удивился, но постарался не подавать вида.

–Не надо, Вы тоже всё прекрасно знаете, – Алялин снял очки и потёр переносицу, – фирма, где я работаю, закупает у «Протона» медицинские препараты. Мы оперируем в нескольких направлениях, и по нашим наблюдениям некоторые препараты требуют доработки. Или изменений. В общем, это сложно для непрофессионала.

–Вы военный хирург?

–Да, бывший, – лицо Алялина вытянулось и рот на пару секунд приоткрылся, – откуда Вы знаете? Ах да, Вам же сообщили.

–И кто же мне это сообщил? – Овсов смотрел на Фёдора Андреевича и старался проанализировать поведение собеседника: он пытается запутать сотрудника милиции, или у него действительно имеются какие-то разногласия с кем-то неизвестным. Какие тогда? С кем? Имеет ли это отношение к убийству? – Тот, чьей безопасностью я занимаюсь?

–Значит, Вы это признаёте? – в голосе Алялина слышались усталость и разочарование.

–В котором часу Вы покинули гостиницу?

–Я не посмотрел. Ещё даже уборку не начинали.

–Куда Вы отправились?

–Какое это имеет значение?

–Для Вас это может иметь решающее значение.

–Только не надо меня запугивать. Я сам про себя всё решу.

–Когда человек нарушает закон, то уже не может распоряжаться своей судьбой.

Овсов тщательно подбирал слова и внимательно смотрел при этом на Алялина. Однако, в лице последнего ничего не дрогнуло, глаза не мигнули, складка на шее не дёрнулась. Либо он тут ни при чём, либо... Военный хирург с мощными руками, имеющий доступ к химикатам и разбирающийся в них, ушедший за час до обнаружения трупов. Пытался организовать себе алиби?

–Сегодня ночью на этом этаже зарезали четырёх молодых людей.

А вот теперь реакция у Алялина выглядела правильной. Челюсть отвисла, руки засуетились, он присел на кровать, тут же встал, подошёл к столу, налил в стакан воды из графина, залпом выпил и упал на стул. Снял очки, положил их на стол и закрыл руками лицо. Он же военный хирург. Не переигрывает ли?

—Я с утра побежал на завод, встречался до смены с заведующим лабораторией. Мы договаривались на полседьмого утра. Это можно проверить, обсуждался очень важный препарат. Он нам как раз подходит, возможно, мы будем его покупать. Затем заходил к другу домой. Он бармен в клубе, работает вечером и ночью, поэтому днём дома. Посидели, поговорили о жизни, чаю попили.

—Адрес друга и как его зовут.

—Гена. Геннадий, фамилия Михеев. Улица Энергетиков, четырнадцать, квартира семьдесят восемь.

—Где были вчера? — Овсов открыл папку и достал блокнот. Он переписал все паспортные данные Алялина, включая номер и серию документа, и адрес Геннадия Михеева, — Что делали? С кем разговаривали?

—Полдня провёл с женщиной, в гостиницу попал поздно, — Алялин вернул серебристую оправу на место и бросил быстрый взгляд на старшего опера, — она замужем, так что фамилию не назову, не требуйте. Да и какое имеет значение, что я делал вчера?

—Повторяю, для Вас это может иметь решающее значение.

–Почему именно для меня?

–Если Вы хотите уточнить, то объясняю – под подозрением все. В том числе и Вы. И для Вас будет лучше, если будете рассказывать подробно и в деталях.

–Фамилию не назову, – упрямо повторил Алялин.

Вариантов было немного, всего лишь два: либо он действительно нежился у любовницы, либо скрывал что-то ещё, например, ссору с убитыми.

–С покойными ребятами общались?

–Нет.

–Совсем? Ни слова, ни полслова?

–Я же сказал.

–А Вы их в лицо видели?

–Мельком. Ужинали в гостиничном ресторане за соседними столиками.

–Вы даже не спрашиваете, кого именно убили.

Очки на носу высокого мужчины непроизвольно дёрнулись, и он рывком поправил их. Затем вскочил, опять сел, угрюмо сдвинул брови и стал похож на злого филина.

–На нашем этаже только в одном номере жили четверо молодых парней. Или я не прав?

–Правы. Но обычно люди не записывают мгновенно кого-то в покойники, а всегда уточняют, переспрашивают.

–Не знаю, я сразу на них подумал.

–Почему?

–Так мне показалось, – Алялин плотно сжимал свои сцеп-

ленные ладони, нервно покачиваясь на стуле.

–Клуб «Морская черепаха» посещали?

–Посещал, – Алялин опять удивился и настороженно посмотрел на Овсова.

–Когда в последний раз?

–Позавчера.

–Что там делали? С кем общались?

–Да с Генкой и общался. Он как раз в этом клубе работает. Я просто сидел напротив него за барной стойкой. Анекдоты ему рассказывал. А он мне случаи из черепашьей жизни.

–Из чьей?

–«Черепашка». Они так здесь клуб иногда называют.

–Сотовый телефон имеется?

–Да.

–Продиктуйте номер, – Овсов записал цифры и строго посмотрел на Алялина, – Вам лучше пока из города не уезжать.

–А это законно?

–Можете посетить адвоката и проконсультироваться. Расследуется убийство, кстати, до какого числа у Вас командировка?

–Открытая дата. Пока все дела не сделаю, возвращаться не имеет смысла. Я каждый день своему директору обстановку докладываю.

Овсов достал свою визитку, вложил её в паспорт Алялина и протянул ему.

–Если у Вас что-то поменяется, то сразу звоните. Здесь

номера и рабочего телефона и сотового. Не сможете дозвониться, наберёте ноль два, попросите соединить с уголовным розыском и оставите сообщение для меня.

Доложить надо было и Овсову. Проходя мимо комнаты дежурной по этажу, он кивнул головой. Информации накопилось много. Какая нужна, а какую следует без раздумий выбросить, ещё только предстояло определить. Пашарь в этом деле не помощник, но создать для него видимость работы было надо. Почему видимость? Дмитрий усмехнулся, включая зажигание и отъезжая от гостиницы. Уже и мыслишь категориями таких людей, как доблестный Геннадий Николаевич. Им нужна не видимость работы, а видимость результатов. Главное отчитаться, что посадили. А кого посадили, как посадили, за что посадили? Это уже дело десятое. В нашей стране от тюрьмы и от сумы зарекаться грешно. Загорелся зелёный кружок светофора. «Мы живём, под собою не чуя страны». Ну да, если нет ощущения твёрдой почвы под ногами, тогда и работа превращается в ежедневный призрак. Лучше пропустить автобус, иначе он не сможет подъехать к остановке. Водитель в кепке посигналил и быстро вывернул руль вправо, залезая в щель между предыдущим автобусом и маршрутным такси. Теперь такси прижато, но оно может и метр, другой назад сдать, чтобы выехать на проезжую часть. Ну, хорошо, пусть это будет не бытовое убийство, а заказное. Полный бред. Зачем киллеру проявлять показную жестокость? Или он перед работой наркоты наглотал-

ся? Вряд ли. Начинаящий киллер? Не похоже. Спившийся наркоман? Нормально убивать уже не может, руки трясутся, и ему только остаётся со всей силы бить по горлу. Решил денег напоследок подзаработать. И что, искать всех с трясущимися руками? Поспрашивать у стукачей о завязавших киллерах? Полный бред. Такая профессия заставляет думать о своём будущем. Как собрать денег побольше и свалить куда подальше. Иначе долго не проживёшь. Не дадут. Или этот, с трясущимися руками, решил себе последнюю дозу вколоть? Чтобы уйти в nirване. Или в nirвану? Чёрт их разберёт. Кстати, о рогатом, только вспомнил и сразу мелкие ямы по дороге побежали. Все иномарки поползли, чертыхаясь. Не до скоростей. Собственно, почему все? Лишнее выдумываю. Кто-то же всё-таки должен уметь ездить спокойно и выдержанно. Может, так пожелал заказчик? На страшную месть такое убийство потянуло бы. Ребята у себя дома, в Малых Монахах, весело порезвились, а достали их здесь. Или чьему-то отцу отомстили. Бизнесмену, например. Тогда зачем всех четырёх резать? Значит, их что-то объединяет. Прошлое? Овсов усмехнулся и повернул направо. Хороший вопрос себе задал, будущего-то у них нет. Только прошлое. Значит, они что-то вчетвером натворили у себя дома, или здесь за эти три дня успели отличиться. Овсов остановил Жигули на стоянке УВД. Опять пришли к тому, с чего начали. В действиях убийцы логики нет. Никакой. Даже если это просто грабитель. Они же мертвецки пьяны, при них но-

мер убирают. Да, грабитель не знает, что они так сильно пьяны, но от них разит, как в переполненном медвытрезвителе. Убил на всякий случай? И в другие номера почему-то не пошёл? Что, у мальчиков денег много оказалось? Из дежурной части на Овсова внимательно глядели три пары глаз. Скусают. Пришлось громко здороваться. Полный бред. Это ни вор, ни грабитель. Есть ещё один вариант, совсем уж бредовый – их убили по ошибке. Сразу всех четверых? Это ж как ошибиться надо было? Точно, сумасшедший. Которому не нравится запах алкоголя. Настолько не переносит, что сразу за нож хватается. Полный бред. Кстати, о запахе, Дмитрий остановился, расстегнул папку и достал листик мяты. Ребристая зелень немного завяла, но от неё по-прежнему исходил мощный аромат. Овсов взглянул на часы, Алина должна быть на месте. Главное, на Гулина не нарваться.

–Ты одна?

–Одна, одна, заходи, – малиновое платье кружилось по кабинету в загадочном танце.

Овсов прошёл и осторожно встал возле левого шкафа. Пышная роза цвета морской волны повернулась к нему и издала чуть-чуть хрипловатый смех.

–У тебя такое лицо, как будто ты увидел сумасшедшую. Нет, я в норме, хоть это и сложно в нашем дурдоме. Просто тебе выпала редкая возможность созерцать, как я раскладываю по местам бумажки за тридцать первое мая каждого года последнего десятилетия. Это очень нудное и хитрое дей-

ство. Гулину нужна обзорная справка. Он завтра едет на совещание к губернатору. Будет майскую динамику докладывать. Пришлось срочно печатать. Как у тебя? Покойнички дождались твоего явления?

—С трудом. Вместе общались минут десять, потом их забрали добры молодцы в белых халатах и мне пришлоськовыряться в гостиничном номере, опрашивать соседей, бегать по этажам.

—Убийцу вычислил?

—Либо ты меня подкальываешь, либо явно перехваливаешь.

—Не льсти себе, я как ответственный работник, требую скорейшего раскрытия преступления. Чаю?

—Нет, спасибо. Зато я рассекретил мотивы возрастной проститутки.

—А, — рука Алины, переносившая чашку, дрогнула и несколько капель напитка упало на пол. Взгляд, устремлённый на Овсова из удивлённого превратился в заинтригованный. Левая бровь приподнялась, лёгкая улыбка заиграла на алых губах, — тебе пришлось для этого с ней переспать?

—Ни на миллиметр её целлюлита.

—Ты растерялся?

—Нет, заглянул в её паспорт.

—Там инструкция по использованию? Нажимал кнопки?

—Возраст, прописка, штамп о разводе десять лет назад.

—И? — Алина пила чай, всё также загадочно улыбаясь. Ов-

сов смотрел на белую чашку, подносимую к секретарскому рту, и думал о том, смог бы он тянуть горячий напиток одновременно с улыбкой. Нет, не смог бы, веселье пришлось бы прервать. А вот у Алины талант.

—Она заявила потенциальному клиенту, что ей тридцать лет, хотя на самом деле тридцать восемь. Не замужем, дети взрослые. Девушка решает свои физиологические проблемы, ещё и умудряясь зарабатывать при этом.

—Ты её осуждаешь?

—Ни на копейку её гонораров. Она не проститутка, которая ради денег терпит потных и грубых мужиков. Она обыкновенная женщина, восстанавливающая своё душевное равновесие весьма оригинальным способом.

—А имидж «падшей» женщины?

—Наверное, в тридцать восемь лет слово «падшая» легко заменяется на «горячо любимая». И уже неважно, одним «любимая», или двумя. А то и всеми сразу. Лишь бы денег хватило.

—Овсов, — голос Алины стал суровым, — мне до этого возраста ещё далеко. Но ты должен понимать — вечным на Земле не бывает ничего.

—Я помню, помню.

—Определяйся быстрее со своей памятью.

—Я стараюсь.

—Плохо стараешься. Надо прилагать все усилия. Чем от тебя так хорошо пахнет?

–Усилиями.

–Дошutiшься. И доиграешься. Сколько там до конца рабочего дня? – Алина взглянула на экран монитора, – Около часа осталось. Зайдёшь за мной?

–Не смогу. Очень сложный случай. Сейчас доложу Пашарю, что имеем, а потом по расписанию – посещение значных мест. Надо паренька интересного опросить.

–Ой, ой, работничек. – Алина вздохнула, – иди, что с тебя взять.

–Явился, не запылится, – выражение лица Геннадия Николаевича с того момента, когда его в последний раз видел Овсов, не менялось, – и где тебя черти носят? Мне жена уже три раза звонила, ждёт, не дождётся, а я должен таких нерадивых работников, как ты, контролировать.

–Меня на работе.

–Что тебя на работе?

–Черти носят.

–Да это я на работе! Круглыми сутками. И ещё успел сегодня капусты домой купить. Крутиться надо, Овсов, крутиться. Работать, – Пашарь переложил бумажку на своём столе, – давай, докладывай. Всё равно тебе завтра ехать на совещание к губернатору. А я буду работать. Пока ты там будешь языком молоть всякую ахинею.

–Эксперты номер с четырьмя трупами полностью обработали...

–Овсов, когда ты работать научишься? Начни с главного.

Кого убили?

–Четырёх молодых парней. Приезжие, здесь только три дня. Фамилии называть?

–Фу, – Пашарь выдохнул с явным облегчением, – то есть простые смертные?

–Они люди. Фамилии называть?

–Да на кой чёрт сдались мне их фамилии? Люди... Конечно, люди. Только про одних людей уже завтра забудут, а за других – голову снесут. И ты уже сам будешь не люди, а так, мусор под ногами. Давай дальше.

–У одного отец бизнесмен, есть деньги, его сын оплачивал поездку себе и друзьям...

–Значит, убили из-за денег.

–Что ж ты тогда не поехал в гостиницу? Там бы всё и раскрыл. Кто убил, кто простыни ворует, кто пьёт на рабочем месте.

–Ты на что намекаешь?

–Я не намекаю, я прямо спрашиваю. Если ты, сидя здесь, уже напал на след преступления, то что бы ты сделал там, в гостинице? Схватил бы убийцу за руку.

–Да, я такой, – Пашарь задумчиво закрыл глаза, – действительно, почему я не поехал? Ты всё равно работать не умеешь. Давай самую суть!

–Накануне убийства ребята провели вечер в клубе «Морская черепаха». Вернулись сильно пьяные. Ночью их зарезали. Никто ничего не видел и не слышал. В самом клубе явно

не чисто. Я потребовал от начальника службы безопасности показать вчерашние записи камер слежения. Он меня повёл по длинному пути, хотя был и покороче. Пока шли, программист, предположительно, стёр записи с одной камеры...

– Вот ты лопух, – Пашарь удивлённо уставился на Овсова, – как ты мог такое допустить?

– Я сказал – предположительно. Может, и не стирал ничего. Свидетельница в гостинице указала на одного проживающего: Алялин, находится здесь в командировке. Якобы он поругался дважды с этими парнями. И в гостинице и в клубе. «Морскую черепаху» он действительно посещал. Когда я его опрашивал, он сильно нервничал. Нёс какой-то сумбур, вроде как меня кто-то подослал его проверить. С убитыми не ссорился, даже не здоровался. Вчерашний вечер провёл у женщины, фамилию назвать отказался. В «Маяк» вернулся очень поздно. Может, врёт, может, нет.

– Ты его задержал?

– На каком основании?

– Как на каком? – Пашарь вскочил и начал расхаживать по кабинету, – убийца и убитые проживают вместе, свидетель называет мотив убийства – ссора, Алялин отрицает, при этом сильно нервничает, пытается запутать следствие, придумывает фальшивое алиби, – начальник розыска остановился, развернувшись к своему подчинённому, – это же классический случай бытового убийства! Или в состоянии аффекта. Осталось только опросить свидетелей и передать

дело в следствие. Всё!

– Не всё так просто...

– Помолчи. Ты как последний юнец запутался в трёх соснах. Учись работать. Дело надо раскрывать, не выходя из кабинета. Как я только что на твоих глазах. А ты пока молодой, глупый, тебе ещё бегать и бегать.

Геннадий Николаевич вздохнул и плюхнулся на красный диван.

– Завтра съездишь на совещание и передашь все материалы по этому делу мне. Понятно?

– Понятно. Хочешь, сейчас всё забирай.

– Думаешь, ты самый умный? – Пашарь улыбнулся, глаза его блеснули, – ты в гостинице ничего не делал, а я буду завтра за тебя отдуваться? Нет, дорогой, каждый должен получить то, что заслужил. Вот завтра выслушаешь порцию положенного, а потом я раскрою убийство.

– Как скажешь. Ты вроде торопился...

Стартовой скорости Геннадия Николаевича позавидовал бы и чемпион мира в беге на короткие дистанции. Сказалась любовь к жене. В крайнем случае, к квашеной капусте.

Овсов спрятал папку на заклёпках в сейф и провёл ладонями по столу. Везде есть шероховатости. В словах начальника розыска был свой резон. Основная масса убийств происходит на бытовой почве. Кто-то с кем-то поругался. Со злости, в запале, в ярости, на пьяную голову стукнул родственника, друга, соседа ножом, молотком, ножницами, спи-

цей для вязания. Или перерезал горло всем четверым, пока они пьяные спят. И кандидатуры лучше Алялина просто не найти. Но тогда за ним должна тянуться длинная вереница подобных трупов. С оторванными головами, руками, ногами и чем-нибудь ещё. Что под руку попадётся. Точнее, под нож. Большой, острый нож. А всё остальное – просто совпадение. Даже дурацкие кровавые разводы на матрасах. Овсов набрал номер телефона.

–Александр Валерьевич, я сегодня опросил командировочного. Это бывший военный хирург.

–То есть, ему по шее полоснуть, что голодной собаке сосиску проглотить?

–Приблизительно. Когда я с ним беседовал, он сильно нервничал. Не знал, во что глаза уткнуться и куда руки спрятать. Видать, он и правда с парнями поругался, а теперь боится, что это выплывет наружу. Но тогда он психически неуравновешен. Из-за ссоры отделять голову собеседнику – это перебор.

–Я понял тебя. Надо сделать запрос по месту его военной службы: что за человек, почему уволился.

–И по месту проживания. Вдруг он там со всеми переругался и полгорода утопил в крови.

–Ну, ну, шутник. Сделаем.

–Да, и вот ещё что. Бруталова отправляешь домой к убитым, в Малые Монахи?

–Да.

–Пусть он потщательнее проработает версию мести.

–Думаешь, есть такая возможность?

–Не исключено. Запиши данные командировочного.

Если Алялин в первые секунды действительно считал, что к нему подослали милицию в лице Овсова, чтобы запугать, то к убийству он не имеет никакого отношения. У него где-то там в его командировке есть ещё какие-то проблемы, и боялся он в первую очередь именно их. Соответственно, ничего не зная про отрезанные головы. Если же Алялин попытался хитро отвести от себя подозрения, то получилось у него слишком хитро. Пашарь, например, даже и не обратил бы на его путанные разговоры никакого внимания. Да и многие другие опера уголовного розыска тоже. И эта изошрённая уловка никак не вяжется с его нервной трясучкой после известия о трупах по соседству. Ты готовился к приходу милиции с задумкой навести сомнения на сотрудника розыска, что получилось очень тонко, а потом бездарно разыграл испуг? И зачем такие мозговые усилия, если вероятность их полезности не более пяти процентов? Или одного?

Через несколько минут в дверь постучали, а затем внесли пакет с двумя двухлитровыми бутылками разливного пива.

–Дмитрий Юрьевич, это я!

–Вижу, вижу, заходи.

–Мы с Вами сегодня так ударно начали, что без продолжения даже как-то неудобно.

Овсов достал из нижнего ящика два гранённых стакана

и наполнил их прохладной жидкостью. Прозрачное стекло приобрело золотистый оттенок, сразу запотело и запенилось по краю. Незатейливый пивной натюрморт изящным движением рук Юрика дополнился внушительным пакетиком мелкой вяленой рыбы и пачкой фиолетовых салфеток с красными сердечками.

– Ну, и как дела? – первый стакан выпили молча и быстро, на середине второго Юрик начал шелушить рыбку и отрывать маленькие солоноватые кусочки. Мусор он складывал на одну салфетку, очищенную рыбу – на вторую.

– Ты о чём?

– О трупах.

– Подозреваемый есть, но это не окончательный вариант.

– Уже раскрыли? – глаза Юрика округлились, – Дмитрий Юрьевич, уважаю.

– Нет, не раскрыли, только первый подозреваемый. Отрабатываются некоторые дополнительные версии. Вполне возможно, список претендентов на убийцу пополнится, смотря, как дело пойдёт.

– Круто, – самогонный магнат откусил рыбку голову, достал её изо рта, оглядел и положил в мусорную кучу.

– Неужели в своём магазине ты подаёшь покупателям такие красивые салфетки?

– Да, – Юрик приподнял всю пачку и оглядел, – а что?

– Они смотрелись бы, например, вместе с клубничными пирожными, шоколадным тортом, ванильным печеньем. А

ты заставляешь их выпитывать грешный алкоголь и грязь с небритых сине-красных лиц.

– Да, ладно, Дмитрий Юрьевич, вот Вы скажете, – Юрик сделал большой глоток, – просто они достались мне оптом по дешёвке. И на витрине продавцы их разложили красиво.

– Ну, да, – Овсов усмехнулся и взял очередную рыбу, – из нас двоих бизнесмен – это ты. Не мне тебя учить. Вот пиво ты привозишь всегда отличное. Такое же и в продаже?

– Обижаете, – лицо Юрика расплылось в улыбке, – для всех клиентов условия одинаковые. Только лучшее. Иначе финансово пострадаю.

– Если бы мне ещё пару лет назад сказали, что ты будешь удачливым предпринимателем, я бы даже не смеялся, я бы посчитал этого человека сумасшедшим.

– Такова жизнь, – «удачливый предприниматель» довольно хмыкнул, – её надо понимать. Кто как крутится, столько и наливается. Кого хоть там поубивали?

– Четырёх молодых парней, – вопрос Юрика вернул Овсова к мыслям о работе, – тебя подвезти?

– Если Вам не трудно.

– Ты же тащил для меня четыре литра пива. Правда, два для себя, но всё-таки. Тебе куда? В магазин, домой?

– Бизнес превыше всего.

– Действительно.

Минут через десять Овсов разлил остатки горьковатого, но вкусного напитка и достал ключи от машины. Они опу-

стошили свои стаканы, и Дмитрий протянул ключи Юрику:
–Иди, открой и присаживайся, а мне надо забежать в одно место.

Когда бывший хулиган вышел, Овсов собрал чешую и кости в пакет, завязал его, прихватил стаканы и отправился в туалет. Забросив мусор в урну, Дмитрий дважды намылил руки и ополоснул под холодной водой. Выдавил жидкое мыло на стаканы и тщательно помыл стекло, заляпанное жирными отпечатками пальцев. Вернулся в кабинет, потянул нижний ящик стола на себя и поставил стаканы под правую стенку. Слева валялась синяя бейсболка, забытая кем-то после опознания, проводимого в кабинете в вечерней суматохе перед прокурорской проверкой. На следующее утро, на совещании Овсов попытался вернуть её владельцу, но никто не захотел получить сомнительное удовольствие от владения головным убором с подростковым акцентом. Дмитрий помял бейсболку в руках, подумал и решил взять с собой.

Овсов затормозил возле магазина с белыми буквами и попрощался с его хозяином. Одностороннее движение не позволяло сразу развернуться в сторону клуба. Пришлось объезжать квартал. Остановившись в ста метрах от запасного выхода, Овсов вышел из Жигулей и закрыл дверцу на ключ. Достал бейсболку с заднего сидения и глубоко насадил на голову.

Расположение достопримечательностей внутри «Морской черепахи» Дмитрий запомнил хорошо, поэтому сразу от-

правился к барной стойке и заказал бокал пива. Рассматривая барменов из-под длинного козырька, он обнаружил, что только у одного из специалистов по напиткам бейджик чернел надписью «Геннадий».

Овсов прихватил за ручку бокал с криво наклепленной черепашкой и присел напротив интересующего его человека. Немногочисленные посетители не сильно беспокоили барменов, их кристально белые рубашки двигались неторопливо, словно разминаясь перед бурной ночью.

–Коктейли из пива часто спрашивают? – Овсов рассматривал этикеточные ряды за спиной Геннадия. Последний отрицательно покачал головой, – а зря. Вот если бы женщины интересовались ячменным хмельным напитком, смешанным с другими жидкостями, то не попадали бы впросак, как жена моего знакомого.

–Что она натворила?

–Не она, её муж. Вернулся под утро и на вопрос «Где был?» честно ответил «Всё это время я тесно общался с «Сан Санычем», присутствовали ещё «Три товарища» и «Дизель»». Работает он в транспортной конторе, начальника зовут Сан Саныч, ну и, разумеется, слово «дизель» тоже частенько мелькает в его разговорах. Жена подумала, что у них на производстве случилась авария и не стала шуметь.

–А на самом деле он пил коктейли? – Геннадий усмехнулся, ему ли было не знать, что в состав «Трёх товарищей» входили пшеничное пиво, водка и лимонный сок, «Дизеля» –

светлое пиво и кока-кола, а «Сан Саныч» был знаменит тем, что в него всегда, помимо пива, вливались водка и шампанское. Его почти никогда не заказывали, так как гремучая смесь действовала безотказно и желающих отключиться после первого же бокала почему-то не находилось.

–Разумеется.

–Как же он домой попал? После «Сан Саныча»?

–А они большой компанией собрались. Он уснул, его не будили, пока он проспался, все напились. Пришлось ему, трезвому, с больной головой ещё и всех по домам развозить.

–Да, интересно получилось. Пойдём, покурим?

–Пойдём, – Овсов не курил, но именно на разговор с Геннадием и рассчитывал, когда сочинял байку про несуществующего знакомого из транспортной фирмы и настоящие коктейли, названия которых еле-еле припомнил.

–Вы как мой друг, – бармен протянул открытую пачку с сигаретами Овсову, но тот отрицательно покачал головой, указав на бокал в правой руке, – он тоже кучу анекдотов знает.

–У нас на «Протоне» много чего услышишь, – они стояли недалеко от запасного входа, одинокий фонарь освещал небольшой навес над головой и урну, наполовину заполненную окурками. Небольшое их количество на асфальте вокруг стального прямоугольника для мусора говорило о неплохих снайперских возможностях посетителей «Морской черепахи». Подавляющее большинство окурков носило следы губ-

ной помады.

–Вы тоже с «Протона»? Алялина Фёдора знаете?

–Это который у нас в командировке? Хирург, вроде?

–Точно, – Геннадий длинно затянулся и, сложив губы трубочкой, выдохнул сизым дымом.

–Он ещё говорил, что вчера с кем-то поругался.

–Не вчера. Вчера его здесь не было. Он ко мне заезжал, а потом к своей крале махнул.

–Вообще-то, он про неё более уважительно говорит.

–Ещё бы, – Геннадий усмехнулся, взглянув на Овсова, – про жену большого директора я бы тоже не болтал языком.

А вот и объяснение довольному виду Алялина со слов дежурной. И неправильному истолкованию появления перед ним самого Овсова.

–Так что там с дракой?

–Да не драка, так, полаялись немного. Федька, оказывается, в гостинице по соседству с какими-то малолетками живёт, а они у нас уже несколько ночей пасутся. Каждый раз напиваются вдрызг. Он им в гостинице лекцию прочитал. О вреде алкоголя и отношении к жизни. Об их будущем. Один из этих ребят ведёт себя так, как будто его папа главный олигарх нашей области. Наглый, самоуверенный. Он Федьку послал. Слово за слово, поругались. И когда Алялин позавчера сидел здесь у меня, вот так же анекдоты рассказывал, эти парни к нему сами пристали. Мол, нас учишь, а водку хлещешь. Федька и не пил толком. Полбокала пива за пару ча-

сов принял на грудь, а потом ушёл.

–Но он сильно злился на этих парней?

–Да, нет. Наоборот. Рукой махнул. Всё равно, говорит, у них будущего нет.

Глава 5. Ещё четыре трупа

Пить больше не рекомендовалось. Мочевой пузырь слёзно умолял сжалиться. Дмитрий и не пил. Ни чай, ни кофе. И при этом ночью в туалет вставал раз пять. Однако, голова с пивного похмелья немного гудела. Или это от недосыпа мигрень разбуянилась? Овсов потёр лоб, затем виски (по часовой стрелке) и заковылял к окну. Открыл форточку и подставил лицо под утреннее дыхание ветра. Штору заколыхало. По голубому небу бежали редкие кудрявые облака. Овсов оторвался от созерцания мельтешащих среди зелени воробьёв и отправился в ванную комнату. Снял трусы и носки и бросил в тазик для стирки. Заглянул туда. Грязных вещей набралось уже достаточно для загрузки стиральной машины. Не забыть бы сегодня постирать.

Дмитрий перешагнул через высокий бортик ванной и задвинул фиолетовую шторку. Крайний крючок опять расстегнулся, и уголок скользкого материала потянул вниз всю шторку, заставляя её неплотно прилегать к голубому кафелю. Дмитрий привстал на цыпочки, дотянулся до крючка, застегнул его на шторке, повернулся к крану и открыл воду. Переключил на душ и, пока сбегала холодная вода, поливал свои незагорелые ноги ниже колен. Год назад седой целитель из телевизора объяснял страждущим, что это очень полезная процедура для здоровья каждого человеческого организма.

Правда это, или нет, для Овсова значения не имело. Всё равно стоять в прохладном чугуне лишние пару минут. Можно и закаливанием поразвлечься. Когда вода нагрелась, он отрегулировал её до состояния теплой и помылся. Затем сделал струю освежающей и постоял под ней около пяти минут. В голове прояснилось. Дмитрий закрыл кран, отодвинул шторку, покосившись на крючок, и взял оранжевое полотенце. Энергичными движениями обтёрся и вылез из ванны. Расправил полотенце на держателе, чтобы лучше сохло. По этой же причине дверь в ванную комнату оставил открытой. Прошёл в спальню, отодвинул дверцу шкафа и потянул на себя нижний ящик, где хранилось бельё. Колёсики не стали сопротивляться и скрипеть и ящик мягко открылся. Дмитрий достал и надел белые трусы с двумя красными футбольными мячами. По одному на каждую ягодицу. Просмотрел все галстуки и остановился на сером в чёрную полоску. В тон галстуку подобрал серые носки. Они оказались чуть-чуть светлее брюк. Овсов застегнул бежевую рубашку и отправился к зеркалу в прихожей. Привычными движениями затянул галстук в узел и тщательно рассмотрел своё отражение. Всё зависело от настроения губернатора. То, что оно будет плохим, это было понятно и так. Усугубит ли ситуацию вид старшего оперуполномоченного, или нет, предсказать было невозможно. Но ухудшать нынешний статус уголовного розыска точно не следовало.

Администрация Т-ской области находилась в н-образном

двадцатиэтажном здании тёмно-синего цвета. Длинная лестница к нему и стены первого этажа были отделаны под чёрный мрамор в красную прожилку. По обе стороны лестницы худосочные берёзки и голубые лохматые ели прямыми рядами образовывали небольшой парк с подстриженной зеленоватой травой.

За администрацией раскинулась большая автостоянка с длинным, нервно вздрагивающим на ветру, шлагбаумом при въезде. Овсов предъявил удостоверение и оставил Жигули в четырёх метрах от полосатой преграждающей стрелы.

Красную книжечку пришлось показать и в дверях самого здания. Двое здоровенных мужиков в форме ОМОНа цепко и быстро проверяли документы и верхнюю одежду всех входящих ручными металлоискателями, в то время как третий представитель силового ведомства с автоматом наперевес прятался за их спинами и неотрывно смотрел на улицу сквозь зеркальное стекло. Ну да, Овсов оглянулся, здесь же цвет города сейчас соберётся, угроза террористической атаки появилась. И теперь все эти весенние цветочки оказались под ударом. Вот только оказались по какой причине? Потому что активно трудятся, борются не на жизнь, а на смерть со всеми негативными явлениями прошлого? Или в силу своей полной пассивности они так не приглянулись широкой общественности?

Актный зал занимал левое крыло первого этажа и шумел тремя распахнутыми проёмами. Дмитрий зашёл в последний

и присел на стул в самом углу, подальше от двери. Из приоткрытого окна немилосердно дуло, но и вызывать его отсюда на трибуну стал бы только никуда не торопящийся человек. А руководство области и города своё время ценило. Это знали все.

Зал был заполнен на две трети, даже больше, пустые места виднелись лишь впереди. Овсов достал сотовый телефон и выключил звук. До начала совещания оставалось около пяти минут. Неожиданно из коридора донёсся нарастающий гул. Шум множественных голосов сливался с шарканьем многочисленных пар обуви. В зал быстрым шагом вошла большая группа людей, от них отделились шесть человек и расселись в президиуме. Остальные разделились на две части и заняли первые ряды. По некоторым знакомым личностям Овсов определил, что прибывшими оказались чиновничьи свиты – губернатора и мэра. Разумеется, главные лица грозными взглядами уже намечали первые жертвы начинающегося совещания.

Таковые не замедлили появиться. Сначала заместитель прокурора города, затем Гулин Валентин Петрович зачитывали свои доклады, а потом отвечали на каверзные вопросы. И, если к первому губернатор проявил хоть какую-то лояльность, то на втором он попросту оторвался. Не дав заместителю начальнику УВД дочитать обзорную справку до конца, хозяин области продемонстрировал редкостный талант в умении сочетать армейский юмор с милицейскими буднями.

Откровенно туповатые, но колкие шуточки губернатора сыпались из него с десятисекундными промежутками времени и неизменно сопровождались громким хохотом из первых рядов.

Смешно? Конечно, улыбку выдавливает поневоле. Овсов усмехнулся, первому лицу положено быть шоуменом, без этого никак. Только вот, к примеру, юмор Алины, невзирая на уровень остроты и максимум издевательств, всегда звучит естественно и легко. И ты смеёшься от души, меняя настроение и отношение к жизни.

Выдержав даже по театральным меркам огромную паузу, дав всем высмеяться, а губернатору спустить пар, Валентин Петрович строго и обстоятельно начал отвечать на ехидные замечания высшего начальства, независимо от степени придурковатости данных замечаний. Мало-помалу и сам губернатор втянулся в серьёзность дискуссии, вопросы его стали существенными и детализированными. Начав с простого и нераскрытого, Гулин постепенно подвёл разговор, больше похожий на допрос, к вчерашнему трагическому происшествию в гостинице «Волшебный маяк» и скромно объявил об установлении личности возможного убийцы и окончании розыскных оперативных мероприятий. Мол, пока вы тут ржёте надо мной, громко и зубоскально, я уже всех нашёл и всё раскрыл.

Овсов оценил наступившую тишину. Кто-то в президиуме подавил срывающийся кашель. Даже из последнего ряда

было заметно виноватое выражение лица главного сановника области. Ещё больше Дмитрий оценил скорость Геннадия Николаевича.

Следующим на трибуну поднялся оперуполномоченный уголовного розыска линейного отдела. Обладателю высокого роста, спортивного телосложения и каштановых волос пришлось непросто. С одной стороны, первый, самый тяжёлый удар принял на себя и гениально погасил замначальника УВД, и над железнодорожным опером уже никто не издевался, а, с другой стороны, всплыли ещё четыре трупа.

Нет, не всплыли, поправил себя Овсов. А тихо и мирно лежали в купе и на призывы проводницы открыть дверь не отзывались. Когда разозлённая женщина вставила свой ключ, щёлкнула замком и отодвинула деревянную панель, то её первой мыслью было вызвать наряд милиции и выкинуть этих наглых алкашей из поезда. Она подошла к лежащему внизу справа и начала его тянуть за ногу. Однако, пассажир никак не реагировал на её усилия. Более того, даже когда его скинули на узенький половик, то и здесь он прикинулся мёртвым. Наконец, до проводницы дошло, что её первая мысль была самой правильной. Она закричала, тут же до крови прикусила кулак левой руки и полетела к проводнику соседнего вагона. Уже через пару минут прибежавший наряд сержантов вызывал по рации опергруппу, экспертов и выгонял всех пассажиров этого вагона на перрон. Стоянка поезда в городе Т. затянулась надолго.

Первую четвёрку застрелили, вторую зарезали, подумал Овсов. Между убийствами прошли ровно одни сутки. В поезде вообще никаких следов не обнаружили. Все четверо застрелены из одного пистолета. Кроме пуль в трупах, следствие не располагает ничем.

Вот теперь настроение губернатора стало понятным до конца. Восемь трупов за два дня – это очень серьёзно. Вплоть до перестановок в самых верхах. Почти прозрачным прорисовалось и будущее Алялина. Овсов посмотрел на дисплей сотового телефона. С начала совещания минуло сорок четыре минуты. Не вовремя, мужик, ты стал учить кого-то жизни. Если за два-три дня не появится другой кандидат в маньяки, то пожизненный срок тебе обеспечен. Это уже дело принципа. Политического, стратегического, не важно, какого. Важна видимость результатов.

Овсов поднял голову, губернатор махал руками и произносил гневную речь. Он обвинял в неумении работать всех и каждого. Правда, с одной оговоркой. Непосредственно Гулин Валентин Петрович работать умел. Через десять минут выяснилось, что замначальника УВД практически в одиночку противостоит всей областной мафии и на груди его должны сверкать, по меньшей мере, пять орденов и двадцать медалей. За заслуги перед Отечеством и губернатором лично.

Наконец, главное лицо области выдохлось и потребовало докладывать ему о ходе расследования каждое утро. Да, может быть, Валентин Петрович поможет доблестной линей-

ной милиции?

–Конечно, приложим все усилия.

–Я в Вас и не сомневался, – с этими словами губернатор встал и вышел в коридор. Многочисленная свита последовала за ним, перемешавшись с мэром и его людьми.

Последние ряды очень дружно, не сговариваясь, повалили на выход. При этом никто никого не толкал, не наступал на ногу и не ругался. Сказывался многолетний опыт подобных совещаний.

Овсов выскользнул в числе первых и уже выезжал со стоянки, когда на небе появились сизые низкие облака. Погода просто смеётся над всеми нами. Или соответствует настроению губернатора? Сегодня Дмитрию повезло. Затесался в самый дальний угол, отдуваться пришлось не ему, а Гулину. Хотя на лице Валентина Петровича явно читалось лёгкое презрение к неловким в вопросах тактики недалёким чиновникам. Это ещё как посмотреть, кто над кем посмеялся.

Овсову стало не по себе. Убийцей уже фактически объявлен Алялин. Но уж больно не совпадают то, как отставной хирург ведёт себя и то, что хладнокровно продемонстрировал ночной посетитель «Волшебного маяка». Нет логики в этом кошмаре. Ни внутренней, ни внешней. Дмитрий остановился на пешеходном переходе, пропуская большую группу людей.

Судя по рассказу... постой, я же его знаю. Это Феликс. Да, точно Феликс. Как-то вместе пили. Большая милицей-

ская пьянка. День сотрудника уголовного розыска. Железнодорожные опера отмечали в кафе, мы отмечали в этом же кафе, изрядно выпили, столы объединили и стали праздновать дальше. Потом кто-то домой уехал, кто-то уснул, активной осталась группа человек восемь. Девять от силы. Феликсу всё время названивали разные девушки. Феликс извинялся, отвечал девушкам, что сегодня занят, все остальные под звон стаканов его подкалывали. Особенно Пашарь. И всё спрашивал имена и адреса. Но Феликс не дурак, ни разу не сболтнул ничего лишнего. Даже не намекнул. Этим Овсову и понравился. А пьяный Пашарь стал его потом импотентом обзывать. И хрипло доказывал, что Феликс наглый врун и шизанутый выдумщик. И даже грозился позвонить жене Феликса и всё ей рассказать. Но быстро заткнулся, когда линейщики пообещали начистить Пашарю физиономию. До цвета спелого баклажана.

Со слов Феликса получалось, что железнодорожный маньяк также никакую логику не продемонстрировал. Вот только в милиции его в маньяки не торопились записывать. Вместо ужасных разрезов на шее трупы в купе могли похвастаться аккуратными дырочками от пуль. И впечатление сразу не то. Испорчено впечатление. А суть-то одна – убили людей.

Овсов подъехал к УВД, вышел из машины и стал подниматься по лестнице. Надо идти к Гулину, высказывать сомнения по Алялину, чтобы потом замначальника не мог упрек-

нуть его в сокрытии информации. Этакий упрёк в виде выговора. Нет, сначала к Пашарю, ему отчитаться по Алялину, а потом к Алине. Поздороваться с ней полезно и необходимо в любом случае.

Геннадий Николаевич возлежал на красном кожаном диване и по лицу его кружило мечта-тельное выражение. Когда оно касалось губ, то они расползались в разные стороны, обнажая неровные зубные щели. Когда оно добиралось до глаз, то зелёные зрачки начальника розыска томно закатывались, а сросшиеся брови начинали юлить в косолапом вальсе.

– Думаешь, куда медаль будешь цеплять?

– Орден, Овсов, орден.

– Звезду Героя, – пробормотал Дмитрий и расстегнул папку, – вот возьми. Здесь вся информация. И ещё: тебе надо попасть в клуб «Морская черепаха», это рядом с гостиницей, где произошло убийство, и изъять там видеозаписи, на которых есть покойные ребята. Они там были вечером перед убийством. Ни с кем не сорились, не ругались, напились и ушли в невменяемом состоянии к себе в номер.

– Да помню я про клуб, – вяло отмахнулся Пашарь и тут же вскочил, – постой, ты не сказал, что на записи они ни с кем не ссорились перед убийством.

– Потому, что ссорились они не вчера, а позавчера. Это я узнал позже. А свидетельница, скорее всего, ошиблась.

– Так всё-таки мотив на видеозаписи есть?

– Не знаю, не видел. Заберёшь у начальника безопасно-

сти...

– Не учи учёного, Овсов, молод ты ещё для этого.

– Куда мне.

– Я вообще тебя плохо понимаю, Овсов. Зачем ты пошёл в милицию работать? Эта служба явно не для тебя, – Пашарь достал из своего стола большую чёрную папку и начал складывать туда чистые бланки для опроса свидетелей, – тебе бы водителем где-нибудь баранку крутить. Тихо, спокойно, никакой мозговой деятельности. Зачем напрягать то, чего у тебя нет?

Пашарь громко рассмеялся и вышел из кабинета с выражением лица многоопытного дедушки, внезапно обнаружившего бабушкину заначку в виде пятилитровой бутылки самогона.

Дмитрий задумчиво посмотрел ему вслед и сел за свой стол. Зачем он пошёл работать в милицию? Это сложный вопрос. Насмотрелся отечественных фильмов про честных и принципиальных милиционеров? Возможно. Тогда так воспитывали. Родину любить. Крепко и беззаветно. Сейчас тоже воспитывают. Но получается гораздо хуже.

Но вот на вопрос, ПОЧЕМУ Овсов пошёл в милицию работать, он мог дать чёткий и твёрдый ответ. Потому, что в разведчики не взяли. Более того, когда он после окончания школы зашёл в местное отделение КГБ и рассказал о своих талантах, на него так посмотрели, что и без переводчика стало понятно, что именно подумал о нём черноволосый под-

тянутый мужчина в форме майора. В первый и последний раз Дмитрий раскрыл свою страшную тайну. Впрочем, почему страшную? В самой тайне ничего особого не было. Но до Овсова очень быстро дошло, что если он не будет держать язык за зубами, то мигом окажется в психиатрическом изоляторе областной больницы. А вот это уже было по-настоящему страшно.

Дмитрий улыбнулся. С конспирацией ему как раз повезло. Всё началось вскоре после его десятого дня рождения. Во дворе многоэтажного дома всегда собиралось большое количество мальчишек с разнообразными игровыми пристрастиями. Самой простой и доступной, а потому самой любимой считалась игра, когда один, ведущий, отворачивался, а остальные хлопали его по спине, плечу или согнутому локтю руки. Затем ведущий разглядывал таинственно улыбающиеся дружеские лица и должен был отгадать, кто его ударил. Ошибся – терпи тычки верных товарищей дальше. Отгадал – меняйся с ударившим местами. Овсов всегда указывал точно с первого раза. Поначалу, в игровом азарте и детской запальчивости очень долго никто не обращал внимания на то, что Димкино плечо почти никогда не страдает от соседской усердности. Но однажды на игру набралось всего четверо ребят. И Димкина везучесть сразу обнаружилась. Его немедленно обвинили в подглядывании и прогнали прочь. Овсов обиделся. Ведь он и не думал мошенничать. За что с ним так? Назавтра обида забылась, ребят стало много и его снова

приняли играть. Но вчерашние мальчишки стали наблюдать за ним и очень скоро вновь закричали, что он подглядывает. Овсов разругался со всеми вдрызг, дело дошло до взаимных оскорблений, сжатых кулаков и оторванных пуговиц.

После недельной размолвки с бывшими друзьями Дима задумался. А ведь и, правда, он всегда про себя смеялся над другими, что они не могут отгадать также быстро, как он. Он даже удивлялся, как это легко и просто для него и недоступно для других. Так, может, всё дело как раз в этом – он особенный?

Это стоило проверить. Только как? Ведь не попросишь же человека смотреть на тебя сзади по часам. Мол, от этой секунды до этой упираешься глазами мне в затылок, а от этой до этой – рассматриваешь занавески на окнах. Во-первых, он сочтёт тебя дураком, во-вторых, тайна тут же раскроется. А настроение у Овсова совсем не соответствовало откровенности после наглых обвинений своих товарищей по дворовым играм.

И тогда Дмитрий вышел на улицу. Покрутившись и повертевшись, он довольно резво сообразил, как именно может проверить себя. Он выбирал уличную развилку с редкими прохожими, отходил на три-четыре метра, отворачивался и затыкал уши. Как только он ощущал на своей спине странное невесомое давление, он тут же поворачивался. Выходящий из-за угла пешеход бросал мимолётный взгляд на коричневую куртку мальчика и шёл себе дальше. А Дима в очередной

раз убеждался, что очень хорошо чувствует, когда на него смотрят со стороны.

Через пару дней он решил усложнить задачу. Полдня он простоял возле светофора на перекрёстке и сначала запоминал, на какой высоте проезжают мимо него глаза водителей легковых машин, автобусов и грузовиков, а затем поворачивался к движущемуся и стоящему на красный свет транспорту спиной и ждал очередного шофёрского взгляда. Ощувив знакомый зуд, слегка скашивал глаза влево и понимал, что опять не ошибся, а угадал абсолютно точно.

Но во время игры на Дмитрия смотрело чуть ли не полдвора. Десять-пятнадцать пар озорных и задиристых мальчишечьих глаз. Как Овсов умудрялся отличить атаковавшего его от остальных? Будущий розыскник задумался. Получается, позвоночник Дмитрия не просто ощущал давление чужих глаз, но и степень отношения к нему приложившего силу. Ведь только он один, ударивший, боялся быть разоблачённым. Остальные добродушно-радостно дожидались Диминой ошибки. Страх и досада не сковывали их эмоции.

Следующий этап экспериментов провести было проще, но рискованнее. Овсов, вернувшись домой, рассказывал родителям выдуманную историю о том, как он споткнулся (случайно ударился, зазевался, больно ушибся) и, тут же отвернувшись, разбирался во взглядах своих предков. Мама всегда смотрела сочувственно, отец – иногда безразлично, иногда раздосадовано. Зачастую Дмитрию приходилось выслу-

шивать очередную лекцию о физкультуре, спортивной подготовке и необходимости иметь твёрдые локти в сутолоке бренной жизни.

Ещё спустя пару недель Овсова осенило, что он может использовать свой талант в целях небольшой мести. Дима клятвенно пообещал своим друзьям и товарищам, что больше никогда не будет подглядывать и, действительно, перестал угадывать, кто именно ударил его по плечу в игре. Кроме тех случаев, когда это были ребята, ложно обвинившие его в мошенничестве. Таким образом, он стал угадывать не чаще других, но зато постоянно распознавал одних и тех же маленьких врунов.

Будучи уже взрослым, Овсов обнаружил, что ощущает на себе взгляды видеокамер и фотоаппаратов. Даже если это простые видеокамеры в торговом зале и никто конкретно в данную секунду на Дмитрия, кроме глазка объектива самой камеры, не смотрит. Правда, непременным условием зрения техники являлось её включенное состояние. Без электричества ни в одном металле не пробуждается даже малейшая искорка жизни.

Овсов вздохнул, самому распоследнему шпиону и во сне не могло присниться такое счастье – всегда знать, идёт за тобой слежка, или нет. Отечественные спецслужбы очень много потеряли в лице чувствительного Дмитрия Юрьевича, но это уже, как говорится, на их совести.

–Ты живой? И даже не истекаешь кровью после столь

ужасного совещания? – Овсов настиг Алину, когда она подходила к своей приёмной. Зелёная юбка туго обтягивала её бёдра, овальные кудри спадали на белоснежную рубашку. Женщина улыбнулась, обернувшись, – тебе надо к Гулину или просто меня разглядываешь?

–Конечно, тебя, – Дмитрий помолчал пару секунд, – ну, и к начальству, на всякий случай, зайду.

–Твоя галантность немного неуклюжа.

–Милиции любезности ни к чему. Хоть бы уголовный Кодекс запомнить.

–Да, да, твою память вчера мы уже обсуждали, – чёрные каблуки переступили порог кабинета и негромко простучали до столика с чаем.

–Имбиря поменьше, – Овсов загляделся на стройные ножки в тёмных колготках и торопливо добавил, – спасибо!

–Ну, что ты, – Алина налила кипяток в чашки и поставила одну перед Дмитрием, – повышенная культура милиционерам тоже не обязательна. Достаточно отличать Толстого от толстовки.

–Один писатель, другая – рубашка, названная в честь этого же писателя.

–А третья – река в Саратовской области.

–Откуда такие познания? – от удивления Овсов даже не сразу смог задать этот вопрос, а пару секунд молча разглядывал, как улыбающаяся Алина поправляет чёрные бусы на своей груди.

– Девушки либо ходят на свидания, либо отгадывают кроссворды долгими зимними вечерами.

– То есть ты знаешь всю географию нашей страны?

– И даже как выглядит мышьяк, – Алина усмехнулась, – Впрочем, как и остальные яды.

– Завидую, – Овсов сделал небольшой глоток, – а у меня нет ни свиданий, ни кроссвордов.

– Я могу на каждом свидании рассказывать тебе о каком-нибудь кроссворде.

– Это хорошая новость. Я запомню.

– Да, да, твою память вчера мы уже обсуждали.

Дверь кабинета замначальника УВД открылась, и оттуда вышел Гусев. Проигнорировав радостно-вежливое приветствие Овсова, он насупился и, громко шаркая, выскочил в коридор.

– Колечко заметил?

– Такое не пропустишь, – Дмитрий покачал головой: крупный чёрный камень почти полностью закрывал мизинец левой руки Ивана Петровича.

– Вчера Сталин на груди и большой камень на пальце, сегодня – тёмно-вишнёвый пиджак и опять большой камень. Завтра ещё что-нибудь цвета радуги и опять этот каменюка. Да с ним утопиться даже можно. Наверняка, на пару килограммов потянет.

– Наверное, тебе следует более философски относиться к тому, что мимо тебя ходит модный дизайнер, а ты не можешь

ни о чём его спросить.

– Да я уже сомневаюсь, нужно ли мне это. Он так иногда одевается, что просто дрожь берёт. Да, может все эти шмотки на нём и выглядят стильно, но мне так точно одеваться нельзя. Окружающие не поймут. Или сильно испугаются, – Алина отпила из кружки, – хотя нашу милицию вряд ли можно чем-то напугать. Уже такого насмотрелись...

– Алина, вызовите ко мне Овсова, – телефон внутренней связи умолк прежде, чем секретарь успела ответить.

– Вызываю, – в сторону Овсова проговорила Алина, – накаркал, Димочка, теперь и, правда, к начальничку сходишь.

– Это рабочий момент. От него никуда не убежишь. Спасибо за чай.

– Пожалуйста, – с придыханием ответила Алина.

Овсов укоризненно взглянул на неё, встал, поправил рубашку на животе и постучался в дверь к Валентину Петровичу.

– Войдите, – Гулин поднял голову и сердито посмотрел на старшего оперуполномоченного, – ты чего так далеко сегодня утром уселся? Спрятался?

– Только там были пустые места.

– В первых рядах тоже наблюдались. Испугался?

– Ну, мне до Вас расти и расти, товарищ подполковник.

– Слышал, что сказал губернатор? – Дмитрий кивнул головой, – поэтому завтра поедешь на железнодорожный вокзал, попытаешься помочь линейному уголовному розыску.

Не сможешь – не наши проблемы, а получится – немедленно отчёт мне на стол, я им на реальном примере покажу, как надо работать. А то привыкли только балду пинать.

–Разрешите замечание?

–Говори.

–Сомнительно, чтобы убийцей был Алялин.

–Почему? – Гулин откинулся назад и внимательно уставился на Овсова.

–Прямых доказательств нет ни одного. Только косвенные. Даже слишком условно косвенные. Якобы с ними поругался. Свидетель из клуба говорит, что не ругался, а прочитал им лекцию о том, как надо правильно относиться к своей жизни. В данный момент находится в командировке на «Протоне», где есть самые разные химикаты, а завтра выяснится, что Алялин к ним доступа попросту не имел. Основное время провёл с женщиной, фамилию назвать отказался. А у меня есть сведения, что это жена директора «Протона». И, возможно, завтра-послезавтра она подтвердит, что Алялин всё время провёл у неё.

–Ты стопроцентно убеждён, что это не он убийца?

–Нет. Ещё абсолютно ничего не известно.

–Уже очень многое известно. У Алялина были и мотив и возможность. Ты же не знаешь, куда и как эти ребята послали взрослого серьёзного мужика. А если, вернувшись из клуба пьяными, они затеяли с ним драку? Ты его тело на наличие синяков проверял?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.